ПО ТУ СТОРОНУ

Евгений Коршунов

«Псы войны»...
Кому они служат?

По ту сторону

Евгений Коршунов

«ПСЫ ВОЙНЫ»... Кому они служат?

(Досье, которое рано сдавать в архив)

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1979

32И
К70

Писатель Евгений Коршунов рассказывает об использовании силами империализма банд наемников против развивающихся стран Африки.

На Западе в числе прочих издан роман Ф. Форсита «Псы войны», прославляющий, романтизирующий и рекламирующий наемничество. На примере операций наемников против Гвинеи, Анголы, Заира, Бенина и других африканских стран Е. Коршунов показывает, кому в действительности служат «псы войны», кто и в каких целях их содержит и использует. Книга написана на основе документов, сообщений зарубежной печати, признаний самих наемников, а также личных впечатлений автора.

К $\frac{11105-114}{М-105(03)79}$ 70—79 0804000000

Смерть по контракту

Я пишу эти строки в Бейруте. Я только что побывал на границе между восточной частью этого города, населенной христианами, и западной, где живут преимущественно мусульмане. Я побывал на «мосту смерти», как называют массивную бетонную эстакаду, соединяющую западный и восточный Бейрут. На этой эстакаде во время гражданской войны, раздиравшей Ливан в 1975—1976 годах, пролилось столько крови, что если бы она не смывалась зимними бейрутскими ливнями, бетон из серого стал бы красным.

Еще и сегодня на границе между восточным и западным секторами города можно увидеть на стенах разрушенных зданий тревожные надписи: «Осторожно! Снайперы!»

«Снайперы» — так называют в Ливане тех, кто хладнокровно и безжалостно расстреливает, устроившись где-нибудь в укрытии, беззащитных прохожих, кто ведет огонь по автомашинам, даже не зная, кто в них находится. «Снайперы» хозяйничали и на «мосту смерти». Они неожиданно открывали огонь по людям и автомашинам, по такси и каретам «скорой помощи», по всему, что вдруг попадало в их поле зрения. Впрочем, некоторые машины проезжали «мост смерти» безбоязненно и по многу раз. Их водители каким-то образом вступали в контакт со «снайперами» и выплачивали им своеобразную дань. «Снайперы» делали свой бизнес на крови, которой они поливали «мост смерти».

Бизнес на крови... Деньги за убийства... Преступления по контракту... Постойте, так ведь это же — наемничество!

Да, в те дни лондонская газета «Дейли экспресс» писала, ссылаясь на известного вербовщика наемников Лесли Эспина, что на стороне правохристиан-

ских группировок в Ливане действовала группа наемников, в основном англичан. Другая английская газета даже опубликовала фотографию одного из «джентльменов удачи», заливавших кровью улицы Бейрута: франтоватый молодчик с лихо закрученными усиками, на плечо небрежно вскинута автоматическая винтовка с оптическим прицелом, вид такой «спортивный», будто он только что вернулся с охоты на уток. И циничное интервью газете, в котором он сообщал, что ему надоела скучная жизнь в Европе, а здесь можно в дополнение к острым ощущениям и прилично заработать!

Это было в 1976 году, летом. А летом 1967 года, почти на десять лет раньше, мне самому довелось разговаривать с парнями, удивительно похожими на этого типа, если не внешне, то внутренне.

Я встретил их в баре в аэропорту нигерийской столицы Лагоса. Они были очень пьяны и очень возмущены: нигерийское правительство наняло их для службы в своих ВВС, они прибыли... и не сошлись с теми, кто их нанимал, в каких-то дополнительных деталях контракта. И вот теперь они собирались покидать Лагос, но не нигерийскую землю.

— О нас еще здесь услышат! — пьяно потрясали они кулаками.— Мы знаем себе цену!

И они действительно знали себе цену. Это было тяжелое для Нигерии время. В восточной провинции страны, где сравнительно незадолго до этого были обнаружены и стали разрабатываться богатые нефтяные месторождения, набирали силу сепаратисты. Полковник Одумегу Оджукву, решивший стать главой отколовшейся от Нигерии «республики Биафра», срочно создавал собственную армию, ядро которой должны были составить батальоны иностранных наемников.

— На наш век работы хватит,— говорил мне один из них, подданный ЮАР, крепкий детина с лицом, прокаленным докрасна тропическим солнцем.— Мне все равно где убивать «кафиров». (Так расисты ЮАР презрительно называют африканцев.— *Е. К.*) Чем больше мы их убьем сейчас здесь,

тем нагляднее будет урок для наших юаровских черненьких!

Обстановка в баре накалялась. Чернокожие официанты испуганно жались к двери, а бармен нервно перетирал уже отполированные до блеска стаканы. Неизвестно, во что бы в конце концов вылилось раздражение пьяной компании, если бы не объявили посадку на самолет, отправляющийся в Лондон.

Из Лондона они прямиком попадали в Энугу, в то время столицу «республики Биафра». А через несколько недель в полукилометре от дома, в котором я жил, глубокой ночью раздался ужасающий грохот и взметнулось оранжевое пламя: это взорвался в воздухе самолет ВВС «республики Биафра» — ДС-4, американская гражданская машина, переоборудованная в ночной бомбардировщик, пытавшийся бомбить Лагос.

Среди обезображенных трупов членов его экипажа были и белые наемники — не те ли, что бушевали в баре лагосского аэропорта? Впрочем, их дорога к смерти над африканской лагуной могла пролегать не только через Лондон. В истории современного наемничества, которую порой отсчитывают от 1960 года, когда после провозглашения независимости Конго от этого государства откололась богатая медью провинция Катанга и главарь раскольников Моиз Чомбе открыл дверь в Африку сотням белых авантюристов, известны имена вербовщиков в США, Франции, Англии, Бельгии, ФРГ.

Так, например, в начале 1975 года в некоторых американских изданиях появилось настолько откровенное объявление вербовщиков, что нельзя его не процитировать.

«Требуются немедленно!» — кричали крупные буквы, а затем следовало разъяснение:

«Ближневосточное правительство вербует наемников... 1000 долларов в месяц — капитану... Никаких подоходных налогов... Авиационный билет и дорожные расходы будут оплачены по прибытию... Бесплатное жилье и медицинская помощь. Ежегодно 60 дней отпуска... 20 000 долларов на страхование

жизни. Информация, касающаяся обязанностей, района службы, карта, контракт, анкета, медицинское свидетельство... 5 долларов. Феникс Ассошиэйтс. Департамент С-1. Почтовый ящик 837. Арвада, Соло. 80002».

Сотрудники американского журнала «Ньюсуик» побывали в те дни в одном из вербовочных пунктов в Лос-Анджелесе, в маленькой конторе «Виннел корпорейшн», Вестминстер-авеню. Они описывали толпу потных людей самых разных возрастов, осадивших тесное помещение, заполняющих анкеты вербовщиков, ждущих решения своей судьбы в ресторанчике по соседству.

В вербовочной конторе не переставали звонить телефоны, и секретарь записывал имена «капитанов» из Аризоны, «майоров» из Джорджии и «полковников» из Колорадо, предлагающих свои услуги в обмен на доллары. Точно так же надрывались телефоны в конторе под вывеской «Белл Хеликоптер интернэшнл», Бедфорд, Техас; в офисе «опытного консультанта по борьбе против повстанцев» Митчела Уэрбелла, Паудер Спрингс, Калифорния; в конторе «Берд эйр», отель Лимингтон, Окланд, Калифорния.

«Берд эйр» («Воздушная птица») предлагала 2225 долларов ежемесячно летчикам, «Виннел» интересовали «опытные пехотинцы», которым предлагалось от 1400 до 1800 долларов в месяц за обучение солдат африканской страны современным методам ведения боя.

А вот Роберт К. Браун, бывший подполковник ВВС США, а ныне преуспевающий издатель журнала «Солдат удачи», считает, что «квалифицированный американский наемник стоит две тысячи долларов в месяц». Журнал Брауна, который в США прозвали «рупором наемников», по замечанию итальянского журнала «Экспрессо», своим содержанием заставил бы покраснеть даже Гитлера.

Его появление на свет — результат стараний профессионалов-наемников США, оставшихся на какое-то время без работы после того, как их вышвырнули из Анголы. Чтобы не размагнититься и не

растерять боевой дух, эти авантюристы создали собственную организацию «Феникс энд омега лимитд». Члены организации проводят регулярные встречи, тренировки и маневры, пишут мемуары, делают заявления для печати. У них имеется учебный лагерь в штате Аризона, солидный арсенал, содержащий самые разнообразные виды оружия. Под руководством Брауна они «анализируют» международную обстановку с тем, чтобы заранее знать, когда, где и кому могут понадобиться их «услуги».

Уголовный кодекс США запрещает вербовку наемников, угрожая за это тюремным заключением до трех лет и денежным штрафом до тысячи долларов. Но, несмотря на то, что наемники, завербованные в США, действовали и в Анголе, и в Омане, и в Родезии, американская Фемида закрывает глаза на бизнес «Феникс энд омега лимитд» и подобных «компаний». Прежде всего, по законам США, это частная фирма, предлагающая свой товар. А затем...

Кто заказывает музыку

...А затем давно уже ни для кого не секрет, что за спиной «солдат удачи» и тех, кто их вербует, стоят различного рода секретные службы империалистических государств. Со всей убедительностью это было доказано в июне 1976 года, когда в столице Народной Республики Ангола проходил суд над тринадцатью иностранными наемниками, захваченными на ангольской земле войсками патриотов. Напомню, что за полгода до этого империалистические государства пытались помешать установлению в Анголе народной власти и организовали против этой страны, только что добившейся независимости, открытую военную интервенцию. В этой интервенции, помимо войск ЮАР и подразделений армии Заира, наступавших на Луанду вместе с бандами местных раскольнических группировок, широкое участие принимали и иностранные наемники.

Лишь одних американцев среди них было около трех сотен.

Густав Марсель Грилло, двадцати семи лет, бывший солдат морской пехоты США, оказавшийся на скамье подсудимых в Луанде, в ходе показательного процесса над наемниками рассказывал судьям:

— Стать наемником в США очень просто. Достаточно посмотреть фильм по одной из программ телевидения, воспевающий «подвиги» наемников, позвонить по указанному при этом телефону — и все формальности будут улажены очень быстро. Так и я стал наемником и очутился в Анголе.

А в январе 1976 года, когда империалистическая интервенция против Анголы была в самом разгаре, американская газета «Крисчен сайнс монитор» писала:

«По сведениям из источников, близких к Центральному разведывательному управлению США, ЦРУ скрыто вербует бывших американских военнослужащих, обучает их и отправляет в южную Африку, оплачивает и вооружает легким и тяжелым оружием».

Тогда же стало известно, что завербованные ЦРУ головорезы проходят обучение в форте Беннинг, штат Джорджия, изучая в дополнение ко всему «технику допросов» и португальский язык.

В Анголе американские наемники были организованы в так называемые «Б-группы». Одну из них возглавлял американец бельгийского происхождения, накопивший «опыт» во Вьетнаме и в Бельгийском Конго (Заир). «Б-группа» состояла из десяти штабных офицеров и шести «А-групп» по четырнадцать наемников в каждой.

Другая «Б-группа» из 94 наемников, также подготовленная в США, возглавлялась американцем французского происхождения, тоже с «опытом» войны во Вьетнаме и в Конго. Кроме того, для участия в агрессии против ангольского народа в США велась вербовка ста пятидесяти пилотов и механиков для создания специального вертолетного отряда.

Содержание в течение полугода «Б-группы» со-

ставляло около миллиона долларов: «зарплата» наемника — 1000—1500 долларов в месяц, остальное — стоимость военного снаряжения. Тяжелое вооружение и вертолеты в эту сумму не включаются.

Как писала в те дни газета «Крисчен сайнс монитор», «Б-группа», действующая вместе с ФНЛА (проимпериалистическая реакционная группировка в Анголе.— *Е. К.*), финансируется наполовину ЦРУ, наполовину Пекином».

И на эту «вторую половину» поддержки врагов ангольского народа следует обратить не меньшее внимание, чем на первую. Дело в том, что правители Китая, руководствуясь гегемонистскими, шовинистическими интересами, давно уже стремятся использовать африканские страны в своих великодержавных целях.

В Заявлении Советского правительства, опубликованном в конце июня 1978 года, отмечается, что «пекинское руководство, наряду с НАТО и ЮАР, является активным соучастником в нагнетании напряженности в Африке. Оно сомкнулось с империализмом, с силами агрессии и реакции, неоколониализма и расизма и тем самым поставило себя в ряды противников не только социалистических стран, но и всего национально-освободительного движения, единства африканских народов, борьбы стран Африки за свою независимость и свободу, против империалистического господства. Так обстояло дело во время событий в Анголе и на Африканском Роге. Предательская роль Пекина проявилась полностью и в связи с интервенцией НАТО в Заире».

В докладе специальной комиссии конгресса США по расследованию деятельности американских разведывательных органов (это расследование было вызвано целым рядом громких скандалов в политической жизни США!) прямо говорилось, что ФНЛА, «который опирается на помощь США, получал поддержку от КНР, которая послала фронту (ФНЛА) около 100 военных советников».

Комиссия при этом отнюдь не выдала никаких секретов. К моменту публикации некоторых частей

ее доклада фотографии китайских генералов, инспектирующих лагеря наемников в Заире, уже обошли всю мировую печать. В тайне пока остаются лишь точные цифры финансовой и военной помощи, оказываемой Пекином на паях с Вашингтоном врагам народов Африки, Азии и Латинской Америки.

В ходе событий на Африканском Роге, когда революционная Эфиопия была вынуждена защищать целостность своей территории от вторжения сомалийских войск, Пекин не скрывал, что его симпатии на стороне сил вторжения. Не изменил он свои позиции и в дни интервенции НАТО в Заире (май — июнь 1978 года).

В самый разгар повстанческого движения в заирской провинции Шаба в Киншасе было объявлено о том, что в Заир прибывает с визитом министр иностранных дел Китая Хуан Хуа. А за две недели до этого в Пекине Хуан Хуа выступил с заявлением, полным клеветы на СССР и Кубу и практически оправдывающим интервенцию НАТО. При этом известно, что помощь и поддержка мобутовского режима Пекином не ограничивается лишь подобными заявлениями, а имеет весьма ощутимый материальный характер.

Примером того, что Пекин продолжает выступать в альянсе с империализмом, служит и установление дипломатических отношений с султаном Омана Кабусом, широко использующим английских наемников в борьбе против местных патриотов, много лет сражающихся против реакционного режима в этой стране.

В конце мая 1978 года пекинское руководство заявило, что оно «твердо поддерживает правительство султаната Оман в его справедливой борьбе за сохранение национальной независимости и развитие национальной экономики». Но о том, что на самом деле происходит в Омане, будет рассказано ниже.

Пока же вернемся к Анголе.

Размах, с которым вербовались и готовились наемники, был бы явно не под силу «частным» вербовщикам, действующим на свой страх и риск. Каж-

дый американский наемник, отправляющийся в Анголу, получал двадцатитысячную (в долларах) страховку, проходил проверку по военной специальности и должен был иметь многолетний боевой опыт.

«Все они были объединены,— писала «Крисчен сайнс монитор»,— ненавистью к коммунизму, жаждой денег и приключений, а также возможностью продать на рынке товар — свой военный опыт. Собранные вместе, они составляли «тайную армию» ЦРУ».

И опять я возвращаюсь к суду в Луанде. Наемники, оказавшиеся там на скамье подсудимых, получили полную возможность беспристрастного судебного разбирательства. Их защищали, в частности, адвокаты, прибывшие из стран, гражданами которых являлись подсудимые. И американский адвокат Роберт Сеснер, защищая трех наемников-американцев, невольно расставил все точки над «i», заявив:

«Подлинная вина лежит на тех отдельных лицах и организациях, которые создали эту ситуацию. Никто из подсудимых сам по себе не смог бы приехать сюда».

Сеснер предъявил прямое обвинение правительству США в том, что оно «уклонилось от выполнения своих обязанностей, разрешив производить вербовку на своей земле».

Примерно такова же была и позиция английских адвокатов Питера Уорбэртона Джоунса и Клива Стэнбрука, назвавших наемников «подонками человечества».

Джоунс прямо заявил, что «английское правительство должно нести серьезную ответственность за то, что произошло». А Клив Стэнбрук, выгораживая своих подзащитных, обвинил во всех их «несчастьях» некоего Джона Бэнкса, завербовавшего их в Лондоне.

«Английское правительство должно было защитить таких трудящихся (!), как Эванс (один из подсудимых.— *Е. К.*), остановив Бэнкса и прекратив его отвратительный бизнес!» — патетически воскликнул Стэнбрук.

Что же касается показаний самих обвиняемых, то они говорили, что наемники прекрасно знали, кто им «заказывал музыку».

— Организация, завербовавшая нас,— заявил подсудимый Джон Дерек Баркер,— является филиалом американского ЦРУ.

Но заявления и подсудимых, и их адвокатов не содержали ничего нового и неизвестного международной общественности. Тот же самый Джон Бэнкс к моменту открытия процесса получил в прессе такое «паблисити», которое не снилось иной кинозвезде!

Начало скандала в связи с делом наемников следует отнести еще к январю 1976 года, когда в Лондон прибыл личный друг Холдена Роберто, одного из главарей ангольских раскольнических группировок, Норман Холл. Незадолго до его вояжа эти группировки получили от ЦРУ около пятидесяти миллионов долларов наличными. Из них двенадцать тысяч фунтов — в банковских билетах — прибыли в Англию в атташе-кейсе Нормана Холла специально на вербовку наемников. Это было лишь первое финансовое «поступление» от ЦРУ.

Холл немедленно установил контакты с так называемой «консультативной службой безопасности», созданной проходимцами-авантюристами Лесли Эспином (торговец оружием), Фрэнком Перреном (бывший солдат английской морской пехоты) и уже упомянутым выше Джоном Бэнксом, бывшим парашютистом-десантником. Их штаб-квартира находилась в Кэмберли, неподалеку от Лондона.

Удостоверившись в том, что Норман Холл является кредитоспособным клиентом, эта троица подрядилась выполнить его заказ: навербовать наемников из расчета триста фунтов комиссионных за каждого завербованного.

И вот в течение нескольких недель в английских газетах стало появляться небольшое, но многозначительное объявление:

«Требуются бывшие военные для работы за границей по обучению военному делу. Хороший оклад.

Нужны люди в возрасте 25 — 45 лет. Звонить по телефонам 705423 и 605541, между 10 и 19 часами».

В стране, где в те дни лишь по официальным данным насчитывалось почти полтора миллиона безработных, желающих получить «хороший оклад» оказалось больше чем достаточно. Но, конечно же, «богатый материал», сразу же оказавшийся в распоряжении вербовщиков, это следствие не одной лишь безработицы, а совокупности всех зол капиталистической системы.

Кто бы ни обратился к вербовщикам с предложением себя в качестве товара — отчаявшийся безработный или крайний неудачник, нервнобольной искатель приключений или профессиональный бандит, лавочник, решивший выбиться «в люди» с помощью состояния, в основе которого будет преступление, или наркоман, политический мракобес или мистик, молодой человек, насмотревшийся фильмов о «суперменах», или «идейный» расист — все они были порождением капиталистической системы и продуктом ее морального тупика, ее духовного кризиса.

Но вербовщики занимались не социологическими исследованиями, а бизнесом, они должны были подобрать и поставить своим хозяевам подходящий товар. Кроме того, они в определенной степени должны были следовать и ханжеской морали общества: преступление должно быть прикрыто благопристойностью!

И благопристойность по возможности соблюдалась.

Те, кто звонили по указанным в объявлении телефонам, попадали в некое «бюро услуг», где сначала высказывалось вежливое удивление и по поводу звонка, и по поводу объявления. В «бюро», видите ли, слыхом не слыхивали ни о какой «работе за границей». Однако трубку не бросали и начинали расспрашивать звонившего — кто он и что может. Если ответы удовлетворяли, невидимый собеседник из «бюро услуг» высказывал предположение, что он, видимо, может быть кое в чем полезен

и просил звонившего оставить свои данные: имя и фамилию, адрес и номер телефона.

На следующий день в доме желающего стать наемником раздавался телефонный звонок и ему назначалась встреча в отелях «Тауэр» или «Пикадилли». В «Тауэре», в номере 15, вербуемого принимал «майор Бэнкс», в «Пикадилли» — Лесли Эспин, Теренс Хейг или сам Норман Холл.

Нельзя не привести хотя бы кратких характеристик тех, кого ЦРУ подрядило для столь «деликатной» миссии на берегах Альбиона, попадающей к тому же под действие английского закона 1870 года, рассматривающего запись англичан в иностранную армию как уголовное преступление.

Норману Холлу в 1976 году было 38 лет. К этому времени он уже был изгнан из английской армии за торговлю ворованным оружием. От суда его спасло лишь то, что осмотревший его армейский психиатр поставил решительный диагноз: «абсолютно антисоциальный тип». К подвигам Холла в Анголе относится его служба в качестве личного шофера Холдена Роберто. Принимая «новобранцев» в отеле «Пикадилли», Холл демонстрировал им свой атташе-кейс, набитый деньгами, в качестве доказательства надежности «фирмы».

Джону Бэнксу ко времени, о котором идет рассказ, было 33 года. Как и Норман Холл, он служил десантником в английской армии, откуда был с позором изгнан после восьмилетней службы. Чин «майора» получил от Холдена Роберто, к которому съездил, не довольствуясь связью с ЦРУ через Нормана Холла.

Лесли Эспин. Одного возраста с Джоном Бэнксом, бывший унтер-офицер британских ВВС, матерый контрабандист, подозреваемый в трех убийствах. Несколько раз во время своей службы в английских частях на Мальте арестовывался за изнасилование.

Но для ЦРУ (и не только для ЦРУ — об этом несколько ниже) такие типы, видимо, представляли идеал: без совести, без каких-либо моральных прин-

ципов, падкие на наживу... Завербованные «консультативной службой безопасности» тоже не отличались моральными ценностями. Например, Констас Георгиу, бывший английский парашютист, уголовник, ставший в Анголе «полковником Кэлленом». В Анголе он любил развлекаться тем, что засовывал пленным в рот гранату, а потом взрывал ее. Георгиу расстреляли по приговору суда в Луанде, и когда его гроб, как и гробы еще трех наемников, расстрелянных вместе с ним, доставили в Англию, грузчики лондонского аэропорта Хитроу плевали на останки этих наемных убийц, «псов войны», как назвал наемников в своем апологетическом романе Фредерик Форсит, английский писатель и журналист.

Но это уже конец истории, а в начале 1976 года его еще никто из «псов» не предугадывал. Во всяком случае вербовка «консультативной службой безопасности» велась полным ходом. «Новобранцам» предлагалось 150 фунтов оклада в неделю и «гарантированная работа» в течение шести месяцев, подъемные — 150 фунтов, через полгода — месяц оплаченного отпуска и билет на самолет до любой точки на земном шаре по выбору. Деньги можно переводить родным или на банковский счет в Лондоне.

Завербованные 96 наемников были размещены «консультативной службой безопасности» в одном из отелей возле аэропорта на то время, пока им оформлялись соответствующие случаю документы. Задержка в несколько дней чуть было не погубила все предприятие: будущие «борцы против мирового коммунизма» (такова была их «идейная база») принялись пьянствовать и дебоширить в таких масштабах, что полиция была вынуждена принять меры: воинство было отправлено в каталажку. И тут свершилось «чудо». После вмешательства «неведомых» сил бузотеров освободили и торжественно препроводили в зал аэропорта для «очень важных персон». А затем холодным январским утром 1976 года они отбыли в жаркую Африку.

Но оказалось, что вербовщики подсунули ЦРУ некачественный товар — боеспособность наемников

была близкой к нулю, и при первых же столкновениях с частями народной ангольской армии они обратились в бегство. Из 96 наемников 36 были убиты (14 расстреляны за неповиновение приказу «полковником Кэлленом»), 5 пропали без вести и 13 ранены.

Скандал за скандалом

Бывший в то время премьер-министром Великобритании Гарольд Вильсон вынужден был выступить в палате общин британского парламента с объяснениями. Поводом для этого послужили сообщения из Анголы о том, что «полковник Кэллен» расстрелял там четырнадцать английских наемников. Это событие вызвало бурное возмущение английской буржуазной прессы, отнюдь не проявлявшей подобных эмоций, пока наемники убивали ангольцев. Но теперь было другое дело!

Призвав Гарольда Вильсона к ответу, консервативная оппозиция стремилась отнюдь не к разоблачениям деятельности ЦРУ на британской территории. Ей нужен был лишь повод для очередной атаки на лейбористское правительство с тем, чтобы расшатывать его позиции. Правительство тоже не стремилось к разоблачениям. Его целью было лишь «сохранить лицо» в парламенте и перед будущими избирателями. И поэтому разговор в палате общин об английских наемниках и тех, кто их завербовал, свелся к осуждению «мелких преступников».

Да, именно так и заявил Гарольд Вильсон.

— Мы сталкиваемся с ситуацией,— объявил он,— в которой мелкие преступники, а эти люди с их судимостями таковыми и являются, получили в свое распоряжение крупные суммы денег, намного превышающие все то, что они могли бы мечтать заработать другими способами, будь то честными или нечестными, и они получили доступ к спискам бывших солдат, в том числе САС (авиационной службы

специального назначения.— *Е. К.*) и других частей, вербуя их способами, которые любой член палаты общин наверняка посчитал бы просто гнусными. Мы должны прямо смотреть в лицо факту, что небольшая группа людей с сомнительным прошлым получила возможность сформировать частную армию...

В этот момент некоторые члены палаты общин принялись выкрикивать: «ЦРУ! ЦРУ!»

Они знали, о чем кричали. Джон Эвард Бэнкс, не поделивший со своими компаньонами комиссионных, выступил с разоблачениями и обвинениями в адрес своего «директора» Лесли Эспина. Для этого он созвал в Лондоне пресс-конференцию, на которой сообщил журналистам, что Эспин, по его же собственному признанию, является агентом ЦРУ и поддерживает связи с этой организацией через Лэрри Катца, сотрудника службы по борьбе с наркотиками посольства США в Лондоне.

Бэнкс назвал также имена Дона Белфорта и Колина Тэйлора. Через первого Эспин получал деньги, а второй, представляя в Англии Холдена Роберто, одновременно являлся ответственным за обеспечение безопасности в их вербовочной фирме. Потеряв над собою контроль, Бэнкс обозвал Тэйлора «гестаповцем», который угрожал ему:

— Попробуй только разболтать о нас, и мы разорвем тебя на куски!

Лично Бэнкс, по его признанию, получил на вербовку 75 тысяч фунтов в американской валюте.

Эта пресс-конференция состоялась 9 февраля 1976 года, а объясняться в палате общин Гарольду Вильсону пришлось 11 февраля. Любопытная деталь: выражая свое возмущение по поводу причастности ЦРУ к вербовке наемников в Англии, парламентарии «не заметили» слов премьера о том, что вербовщики «получили доступ к спискам бывших солдат».

Как это произошло и кто им в этом содействовал — эти вопросы тогда даже и не задавались. И лишь в конце июня 1976 года в английской газете «Ньюс оф уорлд» появилась статья, в косвенной

форме дающая на них довольно недвусмысленный ответ:

«Вчера здесь утверждали,— писала газета,— что среди наемников, которые отправились в Анголу, чтобы сражаться под командованием небезызвестного полковника Кэллена, были два английских тайных агента.

Один из них убит, второй ранен, и сейчас он вернулся в Англию, рассказал Джон Бэнкс, бывший парашютист, завербовавший наемников, которым так не повезло.

Бэнкс заявил это как раз в тот момент, когда десять английских и трое других наемников, преданных суду в Анголе за совершенные ими военные преступления, ждали приговора.

Он сказал:

— Пора все поставить на свои места. Мне опротивели ложь и лицемерие.

Бэнкс рассказал, как он по просьбе Особого отдела завербовал двух шпионов:

— До того, как мой главный отряд из 94 человек отбыл в Анголу, ко мне в одном из кафе в Кэмберли обратился сотрудник Особого отдела. После того, как я начал операции, они за мной все время следили, и я сообщал им все, что они хотели от меня узнать. Коль скоро они были уверены в том, что я не создаю какого-нибудь смехотворного революционного отряда для использования его внутри страны, и знали, куда и для чего мой отряд отправляется, у нас с ними были прекрасные отношения.

Я думаю, что они были лично заинтересованы в этом деле и проявляли сочувствие. Однако — и это очень важно ввиду разной болтовни о нас в парламенте — Особый отдел спросил меня, не включу ли я в свой отряд двух его агентов. Я согласился при условии, что они будут находиться в отряде на положении простых солдат. Что ж, решил я, совсем неплохо, если в моем отряде будет два Джеймса Бонда.

Меня должным образом представили этим людям — один из них был Смит, а второй — Браун.

«Ха, ха,— подумал я.— Дурачьте кого-нибудь другого». Они, наверное, были из «М-16» (одна из английских разведывательных служб.— Е. К.)... Но их документы были в порядке, и они вылетели из лондонского аэропорта вместе с нами. Естественно, нас провожал Особый отдел. Не приходится задумываться и о том, почему нас встречал Особый отдел, когда мы вернулись.

Меня разбирает смех, когда я читаю вздор, который говорят о нас политические деятели, как будто они не знают, как было дело. Правительство, по всей вероятности, было в курсе, если, конечно, разведчики достаточно доверяли ему, чтобы все ему сообщать.

Один из двух агентов был убит, а второй ранен, когда подорвался их «джип». Сейчас он вернулся в Англию, и я знаю его настоящее имя. Однако Особый отдел просил меня молчать, хотя ни тот агент, ни другой не делали секрета из того, для чего они отправились в Анголу».

Дебаты по вопросу о наемниках закончились в парламенте созданием так называемого «комитета лорда Диплока», которому было поручено изучить имеющиеся в Англии старые законы, запрещающие вербовку в иностранную армию, и, если надо, осовременить и ужесточить их. Однако эта затея кончилась ничем. Английские законодатели не решились что-либо предпринять, ибо, по их мнению, это ограничило бы свободы британских подданных.

«Синие гуси» трубят сбор

Одним февральским вечером 1976 года, за несколько дней до того, как Джон Бэнкс пригласил журналистов на свою пресс-конференцию, а в английском парламенте Гарольд Вильсон был вынужден давать объяснения, за тысячи километров от Англии произошло событие, тоже связанное с вопросом о наемниках в Анголе.

В тот вечер на экранах телевидения ЮАР появились четыре бравых детины в больших темных очках, делавших их лица неузнаваемыми. Это были наемники. Имена и фамилии их не были названы, но они понимали язык африкаанс, на котором с ними велась беседа за студийным столом. Из беседы стало ясно, что в то время в ЮАР обучалось около тысячи наемников, прибывших для того, чтобы быть переброшенными в Анголу, где именно в те дни шли самые ожесточенные бои между ангольскими патриотическими силами и вторгшимися на территорию Анголы интервентами.

Похоже было, что четверка происходила из ЮАР или Родезии, так как понимала африкаанс — язык довольно редкий. Правда, все четверо упорно отрицали, что они имеют какое-либо отношение к вооруженным силам ЮАР.

В ЮАР, как в США и в Англии, правительство тоже стремилось сделать хорошую мину при плохой игре и сохранить видимость «приличий».

Военный корреспондент южноафриканской газеты «Ранд дейли мейл» писал:

«Однако похоже, что предпочтение оказывают лицам с заграничными паспортами, а не южноафриканцам. Один из должностных (!) чинов, занимающийся вербовкой наемников, сказал, что это объясняется тем, что правительство ЮАР против того, чтобы южноафриканские граждане вербовались в качестве наемников, а также тем, что в государствах черной Африки относятся менее (?) непримиримо к наемникам не из ЮАР».

Итак — «один из должностных чинов, занимающийся вербовкой наемников»... А ведь почти за два года до того, как на экранах южноафриканских телевизоров появились наемные убийцы в темных очках, отнюдь не скрывающие своей «профессии», опять-таки один из официальных представителей правительства ЮАР заявил, согласно сообщению корреспондента агентства Ассошиэйтед Пресс в Иоганнесбурге:

— Мы не потерпим, чтобы какой-то авантюрист

из бывших наемников стал вербовать добровольцев или организовал вмешательство во внутренние дела какой-либо страны с нашей территории!

Это было сказано в октябре 1974 года в связи с тем, что один из самых матерых наемников «полковник» Майк Хор решил организовать в ноябре того же года в Иоганнесбурге «торжественную встречу и обед «синих гусей». «Синий гусь» был эмблемой «коммандо № 5», банды наемников, которыми Майк Хор, он же «бешеный Майк», руководил в Конго.

Ни в ЮАР, ни за ее пределами, куда «бешеный Майк», осевший в Иоганнесбурге в роли скромного бухгалтера, разослал срочные вызовы своим «синим гусям», ни для кого не было секретом, что затевается «большое дело». Слишком хорошо был известен «бешеный Майк», чтобы можно было поверить, что он организует лишь невинную встречу своих «товарищей по оружию».

Но сначала несколько слов о самом термине «синие гуси». Его этимология прослеживается еще в XVIII веке. В те времена ирландские наемники, предлагавшие свои услуги, именовали себя «дикими гусями», а по некоторым источникам «серыми гусями». В Африке, уже в наши дни, современные «рыцари удачи» окрасили своих «гусей» в голубой или в синий цвет, претендуя на преемственность традиций.

После разгрома в Конго «синие гуси» разлетелись по всей Западной Европе. Кое-кто из них вложил награбленные на африканской земле деньги в бизнес и стал «уважаемым человеком», кое-кто принялся зарабатывать на мемуарах, многие пополнили ряды преступного мира, но почти все сохранили связи между собою на случай, если опять подвернется столь милая их сердцу «работенка».

Призывный клич, донесшийся из Иоганнесбурга, прозвучал для «гусей» как долгожданный сигнал к действию, но не вызвал удивления. Дело в том, что в конце 1974 года крах португальской колониальной империи был уже очевиден, как было и очевид-

но, что власть в бывших португальских колониях возьмут в свои руки патриотические силы. Фашистский режим в Португалии пал, португальская колониальная армия была деморализована и разваливалась. А между тем империалистические монополии имели немалые капиталовложения в Анголе и Мозамбике. Терять их они не хотели.

В докладе комиссии конгресса США по расследованию деятельности американских секретных служб, о котором уже упоминалось, в качестве обоснования начала операций ЦРУ в Анголе приводился тот факт, что «в Анголе есть крупные нефтяные месторождения, и две американские многонациональные компании «Галф» и «Тексако» ведут разработки нефти в прибрежных водах».

По данным на середину 1978 года, около 500 американских компаний сотрудничали с расистским режимом в ЮАР и Намибии, и среди них такие могущественные монополии, как «Дженерал моторс», «Форд», «Крайслер», «Дженерал электрик» и другие. Лишь американского капитала было вложено здесь свыше двух миллиардов долларов! А ведь нельзя забывать и капиталовложения почти 500 английских и 400 западногерманских компаний!

В марте 1977 года министр обороны США Дж. Браун заявил в своем послании конгрессу:

«Огромный континент Африки заслуживает внимания не только из-за его важного географического положения, но и из-за его возрастающей ценности в качестве источника сырьевых материалов... Сохранение доступа к африканским сырьевым материалам приобретает для США все большую важность...»

Империалистические монополии вели через португальские колонии свои дела в Родезии — вопреки провозглашенному ООН эмбарго на сделки с расистским режимом Солсбери. В списках нарушителей эмбарго мы встречаем «Форд», «Филлипс», «Бритиш Лейланд». Только английских «дочерних» компаний действовало тогда в Родезии более 180.

В Заире и сегодня хозяйничают бельгийские,

американские, французские и английские фирмы. Среди них «Сосьете женераль де Бельжик», трест «Юнилевер» и другие. Кампанию саботажа пыталась осуществлять против Народной Республики Конго французская «ЭЛФ», занимавшаяся бокситами и нефтью этой страны.

В дни, когда вопрос о будущем Анголы встал со всей остротой, наиболее известной, а вернее — открыто действующей фигурой, активно собиравшей наемников на защиту позиций монополий в Мозамбике и Анголе, был некий Жоржи Перейра Жардин, в 27 лет занимавший министерский пост в правительстве фашистского диктатора Португалии Салазара, близкий друг диктатора и крупный бизнесмен.

Жардин похвалялся тем, что с 1952 года, с тех пор, как переселился из Португалии в Африку, он «не переставал сражаться против национально-освободительных движений». При этом Жардин именовал себя «фашистом-идеалистом». Имея многочисленные предприятия в португальских колониях, он был тесно связан с крупнейшими империалистическими монополиями, орудующими в Африке.

И вот в последние месяцы 1974 года Жардин в Иоганнесбурге, Претории и Кейптауне, его видят в Родезии. И везде он ведет тайные переговоры, разрабатывает военные планы, организует тайные поставки оружия. Крупный английский делец Рональд Уэбстер, владелец авиакомпании «Уэбстер авиэйшн, Ковентри», через бывшего полковника португальской армии Оливейру Соуза предоставляет в распоряжение Жардина десятиместные самолеты «Хэйвиленд Давз», удобные для «ограниченных операций».

Жардин вступает в контакт с «бешеным Майком», который похваляется, что для того, чтобы «очистить Мозамбик от красных», ему необходима лишь тысяча головорезов, «способных вести настоящую войну на истребление», и от 6 до 8 месяцев времени.

Все делается по законам бизнеса: есть спрос —

есть предложение, есть заказчик — есть поставщик товара. И под видом «торжественного обеда товарищей по оружию» вербовочная организация, возглавляемая «бешеным Майком», разворачивает бурную деятельность, направляемую из Иоганнесбурга. Ее агенты действуют в Западной Европе, в США, в Южной Америке, на Ближнем Востоке и в Азии.

Клиентам предлагается оклад 1500 долларов в месяц, гарантированная «работа» на три месяца и все другие, уже ставшие общеизвестными дополнения: авиабилет, страховка, премии за подбитые танки и «пленных русских». Но у «бешеного Майка» есть и свои требования. Он набирает лишь военных специалистов, служивших в армии или в полиции, а также лишь тех бывших наемников, которые занимали в своих бандах командные посты.

Ему нужны опытные пилоты. «Добровольцы» должны быть готовы отправиться «на работу» в одну из неназванных африканских стран без предварительной переподготовки через 48 часов после получения соответствующего приказа.

Корреспондент Ассошиэйтед Пресс, комментируя в те дни деятельность «бешеного Майка», сообщал из Иоганнесбурга:

«Ангола, самая богатая из всех африканских колоний Португалии, представляет наиболее вероятный плацдарм для массовой вооруженной операции при помощи наемных сил. Это страна, богатая нефтью, алмазами и кофе. Ее экономика в состоянии оплатить такую операцию, и 400 000 белых колонистов, проживающих здесь в окружении пяти с половиной миллионов африканцев, при поддержке некоторых африканцев могли бы оказать сопротивление попытке Португалии передать власть в стране африканским освободительным движениям».

Под «некоторыми африканцами» подразумевались главари раскольников, матерый агент ЦРУ Холден Роберто и агент военной разведки фашистской Португалии Жонас Савимби, чьи банды с помощью

регулярных войск ЮАР и белых наемников пытались в ноябре 1975 года захватить ангольскую столицу город Луанду.

Я видел в Анголе следы их «освободительного марша»: разрушенные города и деревни, тела патриотов, зверски замученных в камерах пыток, которые кощунственно именовались у палачей «народными домами», брошенное при бегстве оружие с маркировкой НАТО. Но тогда, в конце 1974 года, «синие гуси» не могли и предположить, что 13 их соучастников окажутся в мрачном средневековом замке Кашиас в Луанде, использовавшемся португальскими колонизаторами в качестве тюрьмы для патриотов.

В ноябре 1975 года, когда только что рожденное в пламени национально-освободительной борьбы молодое ангольское государство было в крайне тяжелом положении и вело отчаянную борьбу против вторгшихся войск ЮАР, банд белых наемников и раскольников Х. Роберто и Ж. Савимби, «бешеный Майк» предложил свой «товар» — 350 «ветеранов» на обычных условиях: оклад — 1500 долларов в месяц, страховка — 20 000 долларов и т. п. Но ЦРУ, уверенное в успехе своих ставленников, поскупилось, а может быть, не хотело их дальнейшей компрометации—«бешеный Майк» и его подручные еще в Конго получили прозвища «чудовищ», и даже лицемерная буржуазная пресса вынуждена была писать о них с конфузливым осуждением. Во всяком случае, сделка не состоялась. Тогда «бешеный Майк» предложил свою команду президенту республики Заир Мобуту, с чьей территории велось наступление наемников на Анголу.

Но к этому времени ангольский народ отбросил агрессоров, наемники продемонстрировали свою полную неспособность противостоять отрядам патриотов, имеющих многолетний боевой опыт борьбы против португальских колонизаторов. Времена, когда одно лишь появление белых наемников вызывало в бывшем Бельгийском Конго (ныне Заир) панику среди повстанцев, прошли. И правительство Заи-

ра не приняло, по крайней мере публично, предложение «бешеного Майка» и его «гусей» — «диких» или «синих», как бы они там ни назывались. К тому же бесславный конец на ангольской земле почти сотни наемников, вероятно, заставил задуматься и кое-кого из «гусей».

Однако факт использования наемниками территории Заира в качестве плацдарма не остался незамеченным, как ни для кого давно уже не является секретом то значение, которое ЦРУ придает Заиру в своих операциях в Африке.

Тот, кто знаком с историей современного наемничества и внимательно следит за все новыми и новыми материалами, пополняющими «досье наемников», которому еще далеко до того, чтобы быть закрытым и отправленным в архив, знает, что в западной печати время от времени намечается тенденция (явно направляемая «чьей-то» опытной рукой) если не реабилитировать наемничество полностью, то хоть как-нибудь замаскировать его политическую подкладку этаким романтизмом, идеализмом, жаждой приключений...

Но как не вспомнить слова журналистки Ани Франкос, писавшей в тунисском еженедельнике «Жен Африк»:

«Профессия наемника так же, как проституция,— одна из самых древнейших в мире. Еще 24 столетия назад армия греческого военачальника Ксенофонта состояла из наемников. В 241 году до нашей эры у Карфагена были наемники, которые взбунтовались... как наемники в Конго в 1967 году. В словаре слово «наемник» объясняется так: «тот, кто служит в иностранных войсках за деньги». Но современный наемник — это скорее орудие политической воли государств, тайно поддерживающих страны, где сражаются эти «наемники».

«С разрешения начальства...»

Однако в истории современного наемничества бывает, что наемники отправляются служить пославшим их «работодателям» не тайно, а открыто, так сказать, «с разрешения начальства...».

Например, уже упомянутый выше английский закон 1870 года, запрещающий британским подданным служить в иностранных армиях, совершенно игнорируется славящимися своей педантичностью лондонскими законниками, когда речь идет о службе этих самых подданных в войсках оманского султана Кабуса, ведущего многолетнюю войну против патриотов Дофара.

Народный фронт освобождения Омана (НФОО) начал борьбу против феодальных правителей этого султаната в 1965 году и, как считают наблюдатели, давно бы одержал победу, если бы не английские наемники, которых официальный Лондон именует «офицерами, служащими по контракту».

Корреспондент английской газеты «Дейли экспресс», побывавший в начале 1976 года в Омане, опубликовал статью «Тайная война в пустыне, которую Англия не может себе позволить проиграть». Статья эта начиналась словами:

«В одном маленьком арабском государстве сражаются и погибают английские солдаты в жестокой войне, о деталях которой редко кто знает на Западе. Их задача: контролировать подступы к жизненно важной иранской нефти и не допустить захвата (!) Омана коммунистами».

Оставим запугивание английских обывателей «угрозой коммунизма» на совести журналиста и хозяев «Дейли экспресс»: народ Омана ведет борьбу против насквозь прогнившего продажного режима, а к султану Кабусу испытывают сегодня все меньше доверия даже те, кто обеспечивает его пребывание у власти. Впрочем, что можно сказать о правителе, который сразу же после получения очередной финансовой подачки от своих благодетелей ухнул шест-

надцать тысяч фунтов стерлингов в одном из лондонских магазинов на... туалетное мыло!

Правда, подачки эти столь солидны и регулярны, что их вполне хватает на оплату и английских наемников. Корреспондент «Дейли экспресс» описывал этих «солдат удачи». Так, один из них, горбоносый долговязый офицер в темно-зеленой форме с красно-зеленым головным убором, бородатый, загорелый, с решительным выражением глаз, по словам журналиста, больше походил на представителя какого-нибудь местного племени. В действительности же это был английский офицер, служащий «по контракту» и сражающийся в жаркой, пыльной пустыне и в скалистых горах Омана.

Поскольку слово «наемник» имеет сегодня далеко не лестное значение, Лондон нашел типично по-английски ханжеский выход — отказался от его употребления в отношении своих подданных, нанявшихся к султану Кабусу. В Омане есть и английские офицеры-советники, и английские военнослужащие, которым начальство предоставило «долгосрочный отпуск из части», чтобы они могли «приобрести боевой опыт».

Около двухсот английских офицеров, «переведенных» из своих полков в армию Кабуса, занимали в ней в 1976 году командные посты, почти восемьдесят человек возглавляли действовавшие против партизан в горах отряды нерегулярных войск — «фирхат». Именно в этих отрядах сражались наемники, число которых точно установить было невозможно.

Наемники откровенно говорят, что они сражаются в Омане ради денег. Один из них, бывший пилот английских ВВС, некий Дэвид Мэйлин, разоткровенничался перед корреспондентом «Дейли экспресс».

— Это лучшая контора в мире,— говорил он, вытирая слезящиеся глаза своим красно-зеленым головным платком.— По-моему, это занятное местечко. Вряд ли мне хоть раз удалось заснуть за последние пять дней — там, наверху. (Он показал рукой на горы, где остаток его роты был занят поисками исчезнувшего противника.) Все же это лучше,

чем заседать за большим письменным столом из красного дерева в Сидмуте, а как раз этим я занимался прежде, чем попасть сюда. Страхование, инвестирование, маклерство... Я думаю, что все это было «о'кей», но не для меня. Я старался держаться, но на деле меня это не привлекало. А королевским ВВС я уже больше не нужен.

Итак, романтика, приключения как противопоставление обыденности и скуке. Знакомая песня! Почти все наемники, те, что поумнее и похитрее, обычно начинают именно так объяснять причины, приведшие их к позорному ремеслу. Вторая причина (иногда ее называют первой) — антикоммунизм.

Дэвид Мэйлин и в этом отношении не исключение.

— Я ненавижу коммунизм,— говорит он и тут же добавляет: — Кроме того, я думаю, что работа здесь — стоящая. Здесь есть деньги!

Стоп. Деньги. Даже корреспондент «Дейли экспресс» вынужден заметить: «Словом, мораль моралью, а деньги важнее».

А наемник продолжает откровенничать:

— Я получаю в год шесть с половиной тысяч фунтов стерлингов плюс довольствие. Деньги неплохие.

Итак, «неплохие деньги» и... пустая душа, отсутствие моральных принципов, ибо даже в антикоммунизм мало кто из наемников верит по-настоящему. Это относится и к Мэйлину, который размышляет вслух следующим образом:

— Мне 38 лет. Я хочу только остаться в живых. У меня нет никаких особых стремлений. Я не женат. Два года здесь, два года где-нибудь еще. Это не имеет никакого значения. Султан может решить, что он больше не нуждается в нас. Если он так решит, значит, я должен буду вновь подумать о будущем.

Будущее Мэйлин видит опять же в наемничестве:

— Я слышал, что они ищут наемников. Есть уйма дел, которыми можно заняться. Они нанимают в Абу-Даби, в Катаре.

Корреспондент «Дейли экспресс», с которым

Мэйлин разговаривал, «глядя все время в сторону, как будто что-то высматривая», поясняет, кого наемник имел в виду под словом «они».

«Они» — причем «они нанимают во многих местах» — это Бэнкс и Бафкин, «бешеный Майк», Роберт Браун и Жардин. А за ними — разведывательно-диверсионные службы стран НАТО.

И еще любопытная деталь. Помните, Гарольд Вильсон, давая объяснения в палате общин по вопросу о вербовке наемников в Англии, сказал о «списках бывших солдат, в том числе САС и других частей», к которым «неведомым» образом получили доступ вербовщики.

«Дейли экспресс», рассказывая об английских наемниках в Омане, прояснила этот вопрос.

«Говорят даже,— писал ее корреспондент,— что английское министерство иностранных дел в Лондоне имеет собственный список, который используется, когда МИД хочет без огласки поддержать чью-нибудь борьбу».

И Гарольд Вильсон мог бы знать, что проходимцы типа Эспина и Бэнкса не могли бы получить доступ к вышеназванным спискам без одобрения соответствующих английских служб. Использовались эти списки, причем на протяжении многих лет, и при вербовке наемников для Кабуса. Иначе откуда бы взяться в Омане, например, такой фигуре, как майор Джон Купер, служивший проводником еще у знаменитого Дэвида Стирлинга, прозванного «майором-привидением» за его отчаянные рейды в пустыне против войск Роммеля во время второй мировой войны. Купер, как и Стирлинг, служил в САС и имел солидный боевой опыт, участвуя в действиях англичан в Северной Африке. Но если тогда он служил делу борьбы против фашизма, то после войны стал профессиональным карателем, защищающим интересы империализма. В его послужном списке (послевоенном!) — борьба против партизан в Малайе, «служба по найму» у роялистских мятежников в Северном Йемене. Оттуда Купер перебрался в Оман на службу к Кабусу.

Нельзя сказать, чтобы прогрессивная английская общественность не протестовала против той роли, которую официальный Лондон играет в Омане. Вопрос об этом поднимался и в прессе, и в ходе различного рода массовых выступлений.

Перед лицом неопровержимых фактов МИД Англии еще в начале 1972 года был вынужден официально признать в своем заявлении, что «САС и другая помощь посылаются, когда необходимо помочь стране, с которой Англия имеет давние и дружественные отношения и которая стремится развить свои природные ресурсы и модернизировать методы управления.

В вооруженных силах Оманского султаната служит некоторое число английских офицеров, как специально откомандированных туда, так и служащих по контракту (!). Другой английский военный персонал — специальные ВВС — предоставляют Оману помощь в виде военного инструктажа».

Комментируя это признание, лондонская газета «Гардиан» писала в те дни:

«Остается непреложным фактом то, что под офицерами, служащими по контракту, подразумеваются наемники. А поскольку все они без исключения бывшие кадровые офицеры английских вооруженных сил, арабские правительства, безусловно, сочтут их орудием английской политики, что, впрочем, относится и к двум другим категориям: офицерам, откомандированным в Оман или направленным для обучения войск султана методам противопартизанской войны».

Что ж, «Гардиан» попала в самую точку.

Если правительство не устраивает...

...его можно свергнуть с помощью наемников. Как это делается, Фредерик Форсит, автор «Псов войны», бестселлера о наемниках, рассказал в своей книге с тщательностью аптекаря. К Фредерику

Форситу и его книге мы еще будем возвращаться неоднократно, а пока хочу рассказать об одной истории, произошедшей до выхода «Псов войны», и совершенно очевидно, что она, как и «война в Биафре», вдохновила Форсита на написание этой книги. Я берусь это утверждать, ибо и сюжет «Псов войны», и фабула невольно вызывают в памяти операцию «Хилтон» — заговор с использованием наемников, существовавший в 1970 году и направленный против ливийского лидера Муамара Каддафи.

Но если Фредерик Форсит в своем романе претендует на «художественность» и стремится создать романтизированный образ наемника, героизировать тех, кого еще в Конго прозвали «чудовищами», и по возможности реабилитировать их в глазах обывателя, то Патрик Сил и Маурин Макконвилл, написавшие книгу «Операция «Хилтон», пытались добиться той же цели, используя, по их словам, строго фактический материал.

В ливийской столице Триполи, небольшом и уютном городе на берегу Средиземного моря, мне довелось побывать полгода спустя после событий, описанных П. Силом и М. Макконвиллом, когда об операции «Хилтон» знал лишь очень узкий круг людей: тот, кто ее задумал и финансировал, кто ее готовил и кто ее сорвал.

Это было во второй половине 1971 года, а операция «Хилтон» намечалась сначала на февраль, а затем на март того же года.

В городе повсюду еще были видны следы сентябрьских событий 1969 года, в ходе которых группа молодых офицеров, возглавлявшихся полковником Муамаром Каддафи, свергла короля Идриса и ликвидировала его прогнивший режим. Сам престарелый король отправился в изгнание в Каир, а ненавистные народу министры, придворные и генералы вынуждены были довольствоваться местом куда менее комфортабельным, чем королевская вилла в Каире. Их (примерно полторы сотни человек) новый режим отправил в... «отель «Хилтон», как ливийцы

привыкли с иронией именовать городскую тюрьму,— построенную в 30-х годах итальянскими фашистами крепость.

Я видел эту крепость, ее могучие стены по замыслу строителей, видимо, должны были защищать Триполи со стороны пустыни от отрядов национально-освободительных сил, сражавшихся против фашистских захватчиков. Затем, когда Ливия стала независимой и на трон взошел король Идрис, «отель «Хилтон» стал главной королевской тюрьмой, в которой, наряду с уголовниками, томились противники Идриса и его продажного окружения.

Насколько же народ ненавидел королевский режим и придворную камарилью, можно было почувствовать по лозунгам и рисункам, с сентября 1969 года сохранявшимся на стенах столичных зданий. Особенно часто повторялось изображение повешенного толстого, круглоголового, коротконогого человека. И подпись большими буквами: «Смерть Омару Шелхи!»

Когда я спросил молодого ливийского чиновника, представителя министерства информации, кто такой Омар Шелхи, тот искренне удивился:

— Как, вы не знаете? Да это же самый большой вор в мире! Говорят, что лишь за последние десять лет он получил от нефтяных монополий больше двадцати пяти миллионов долларов!

— И что же... Его действительно повесили?

— Нет,— с сожалением ответил чиновник.— Шелхи бежал и теперь живет то в Швейцарии, то в Англии, то во Франции. Деньги-то свои он хранит в швейцарском банке! Их ему хватит на долгую и спокойную старость...

Но Омар Шелхи не хотел спокойной старости. При короле Идрисе он был фактическим правителем Ливии, страны, в которой сравнительно недавно стали добывать дешевую и высококачественную нефть. И конечно же, те двадцать пять миллионов долларов, которые он успел «заработать» на нефтяном буме, были лишь каплей в денежном колодце,

2 Заказ 314

из которого он мог бы черпать и черпать, если бы ему не пришлось лишиться власти в Ливии.

Шелхи решил вернуться к власти во что бы то ни стало. И вот весной 1970 года он стал действовать, подыскивая себе сообщников и помощников. Это было время, когда после последней авантюры в Конго — «бунта» наемников Жака Шрамма в Букаву (1967 год) — «солдаты удачи» после пяти месяцев отсидки в лагере для интернированных в Руанде дали обещание «никогда больше не возвращаться в Африку» и в большинстве своем вернулись в Европу.

К 1970 году деньги, «заработанные» ими в Конго, были уже в основном израсходованы, и они были морально готовы к новым авантюрам. Так что «спрос» со стороны Омара Шелхи встретил соответствующее случаю «предложение».

И вот июльским утром в одном из тихих районов Лондона на Слоан-стрит появился человек лет пятидесяти. Несмотря на ранний час, его ждали. Дверь дома № 22 отворилась, как только он к ней подошел, и человек оказался лицом к лицу с... полковником Дэвидом Стирлингом, владельцем небольшой компании «Телевижн энтерпрайсис лимитд».

А теперь, как говорят, стоп-кадр! Полковник Дэвид Стирлинг. Ведь мы с ним, читатель, уже встречались на страницах этой книги, когда речь шла об английских наемниках в Омане. Точнее, о майоре Джоне Купере, служившем проводником у Дэвида Стирлинга во время его североафриканских рейдов в годы второй мировой войны. Именно Дэвид Стирлинг стоял у колыбели родившихся тогда «сверхударных» частей британской армии — САС, о которых тоже уже неоднократно упоминалось на страницах этой книги. Итак, опять САС и полковник Стирлинг!

В то раннее утро Дэвид Стирлинг, отставной полковник и предприниматель, впервые (а может быть, и не впервые?) принял для деловой беседы некоего Стива Рейнольдса, бывшего офицера военно-морских сил ЮАР. У Рейнольдса было предложение: помочь разработать и осуществить заговор против

полковника Каддафи, а конкретнее — подобрать группу английских наемников, способных внезапным налетом захватить в Триполи «отель «Хилтон», освободить заключенных там сторонников королевского режима, вооружить их и... Далее должен был произойти путч, который восстановит в Ливии власть короля Идриса.

Омар Шелхи, от имени которого выступал Рейнольдс, обещал не поскупиться на вознаграждение и был готов истратить на эту операцию все свое состояние до последнего доллара. Это было бы странное предложение для владельца компании, занимающейся распространением фильмов, но все дело в том, что Стирлинг имел еще одно «предприятие», именовавшееся «Уочгард».

«Телевижн» и «Уочгард» размещались в соседних домах, № 21 и № 22, Слоан-стрит, которые были соединены тайным переходом.

Как и «Телевижн», «Уочгард» была официально зарегистрированной компанией, а вернее, «политическим агентством по обеспечению безопасности». Ее товаром были «услуги по предотвращению правительственных переворотов», предлагаемые президентам, премьер-министрам и прочим главам правительств.

В том же доме № 22, Слоан-стрит, была контора бывшего профессионального разведчика Джеймса Кента, «специалиста по Ближнему Востоку», тесно сотрудничавшего с Дэвидом Стирлингом.

В книге «Операция «Хилтон» убеждения Стирлинга и Кента описывались следующим образом:

«Дэвид Стирлинг и Джеймс Кент разделяли философию действия. Они верили в способность решительного и храброго человека определять не только свою собственную судьбу, но и судьбу наций. По их мнению, «частные инициативы», независимые от воли правительств, не только оправданы в войне и в дипломатии, не только допустимы, но и обязательны. Международная политика — слишком важное дело, чтобы отдать ее на откуп профессиональным политикам».

Предложение Омара Шелхи заинтересовало Стирлинга и Кента. Они могли легко подобрать наемников из числа отставных солдат САС, списки которых у них были.

Техническое исполнение заговора для «Уочгард» тоже не представляло больших трудностей: «работа» должна была занять всего лишь несколько ночных часов плюс доставка наемников и высадка их где-нибудь на пляже в районе Триполи... Правда, для официально зарегистрированного солидного агентства это был, по мнению Стирлинга, «сомнительный» бизнес, но учитывая, что ставкой в нем нефтяные богатства Ливии...

Итак, Стирлинг и Кент, посовещавшись, решили подрядиться. А чтобы не «скомпрометировать» «Уочгард», было решено создать для операции «Хилтон» специальную контору-«крышу», независимую от «солидного» «Уочгарда».

И опять цитата из книги, уже цитировавшейся выше:

«Это предприятие отвечало не только их военным принципам, но и принципам их политической морали. Для этих двух борцов за интересы Запада молодой ливийский полковник был совершенно очевидно угрозой в международном плане. Его пора было убирать».

И опять цитата из того же источника — очень уж ярко выражается в нем идеология «псов войны» и тех, кому они служат. Итак:

«Частные армии (имеются в виду наемники! — *Е. К.*) могут быть полезными правительствам. Бывают ситуации, когда требуется толчок, но когда открытое вмешательство невозможно оправдать ни с точки зрения морали, ни с точки зрения политики. Использование регулярной армии исключается: что если она понесет потери? Как решать вопрос о пенсиях родственникам убитых? Всегда ведь найдется кто-нибудь, кто будет задавать «неудобные» вопросы и разоблачит всю операцию.

В таких случаях правительства приветствуют частные вооруженные силы, которым они могут дове-

рять и которым, при необходимости, можно отдавать приказы, не неся в то же время никакой ответственности за их действия. Но обычно частные армии плохо организованы и их трудно контролировать, что доставляет неприятности бюрократам. Поэтому между официальным одобрением и официальным неодобрением деятельности таких независимых предпринимателей, как Стирлинг и Кент, дистанция очень малого размера».

Как выяснилось уже потом, Рейнольдс сообщил Стирлингу и Кенту, что операцию «Хилтон» одобрили и ЦРУ и Си-Ай-Си (английская разведывательная служба). Это, конечно, придало духу компаньонам, немедленно приступившим к разработке плана операции, подготовке ее технического обеспечения и вербовке двух с половиной десятков необходимых для нее, по их подсчетам, головорезов. Активное участие в этом деле приняли «военные специалисты» из «Уочгарда» — отставные служащие британской армии Джон Брук Миллер и Джеф Томпсон. Последний уже побывал в Африке по контракту с «Уочгард», занимаясь там «военным обучением»,— так обычно именуется род деятельности наемников в подписываемых ими контрактах.

Миллер и Томпсон вдвоем сидели над списками бывших солдат САС, парашютистов, диверсантов, подрывников и тщательно отбирали кандидатов, припоминая все, что им было известно о каждом. Затем с предполагаемым кандидатом устанавливались контакты — только при личной встрече, наедине, чтобы не оставалось никаких улик. Отбирались «ветераны» в возрасте до сорока лет, имеющие боевой опыт и умеющие держать язык за зубами. Среди отобранных оказались автомеханик, владелец бара, бармен, владелец магазина, землемер... Последний собирался взять отпуск на две недели, чтобы участвовать в операции; владелец бара оставлял свое заведение на попечение супруги. За двухнедельное отсутствие в Англии и «работу на одну ночь» наемникам было обещано по пять тысяч фунтов стерлингов каждому. Сумма немалая.

Пунктом сбора выбрали Мальту. Туда должно было быть доставлено оружие и туда же должен был прибыть катер, специально закупленный для этой операции. Кент прибыл в мальтийскую столицу Валлетту и принялся обходить маленькие припортовые отели, отдавая преимущество тем, хозяева которых были отставные английские солдаты, осевшие на Мальте. Кент договаривался с каждым владельцем отеля о том, что через некоторое время арендует у него номера для трех-четырех человек, «матросов», которые будут ожидать прибытия «своего судна».

Все шло, как и было запланировано, но вдруг Кент получил из Англии телеграмму, требующую его немедленного возвращения в Лондон. Оказалось, что Си-Ай-Си, внимательно следившая за подготовкой операции, получила инструкции вмешаться. Английские власти решили, что участие британских подданных в свержении ливийского правительства испортит отношения Англии, и без того оставлявшие желать лучшего, с арабскими странами. Но зато не было возражений, если операция будет проведена чужими руками.

Компаньоны оказались готовыми и к такому повороту событий. Они немедленно ликвидировали свою контору-ширму, и Дэвид Стирлинг как человек слишком известный и слишком тесно связанный с официальными кругами «ушел в тень»: главной фигурой заговора стал Джеймс Кент. Уже нанятым головорезам было честно выплачено по пять тысяч фунтов неустойки, чем гарантирована их готовность и в будущем немедленно предоставить себя в распоряжение «Уочгарда». Можно не сомневаться, что в конце 1975 — начале 1976 годов многие из них оказались среди тех, кого Бэнкс и Эспин отправили в Анголу.

Затем Кент прибыл в Париж. Там он по известным ему каналам установил контакт с неким Марселем Клейном, бывшим киносценаристом, чьи сценарии были посвящены жизни преступного мира. Собирая материал для своих сценариев, Марсель Клейн уста-

новил с преступным миром самые тесные связи. За все те же пять тысяч фунтов Марсель Клейн обещал познакомить Кента с «нужным» ему человеком.

Такое знакомство состоялось утром 10 сентября в маленьком парижском кафе. «Нужный» человек оказался крепким мускулистым парнем, возраст — к сорока годам, имя — Леон. Клейн честно отработал свой гонорар. Лучше, чем Леон, кандидатуру для главаря группы наемников было бы нелегко найти.

Прежде всего сам он имел боевой опыт: «сражался» во Вьетнаме в рядах французской колониальной армии, участвовал в карательных экспедициях французского иностранного легиона в Алжире, затем был членом террористической организации ОАС. Был объявлен, как и многие другие оасовцы, вне закона и бежал в Африку. Был наемником в Конго, затем в «Биафре». После амнистии оасовцам вернулся во Францию.

После первого разговора между Леоном и Кентом к ним присоединился «помощник» Леона — некий Жюль.

Когда Кент объяснил цель операции, договоренность была тут же достигнута. Отныне маленькое кафе, принадлежащее родителям Аннеты, любовницы Леона, превратилось в вербовочный центр, куда один за другим стали появляться для переговоров профессиональные убийцы с военным опытом.

Заговор принимал конкретные формы. Отряд французских наемников был практически сформирован. Помощник Кента Джеф Томпсон купил за пятьдесят тысяч фунтов быстроходный сторожевой катер западногерманской постройки, называющийся «Конкистадор-13», зарегистрировал его под флагом Панамы и перегнал в порт Тулон для соответствующего оборудования. Это стоило дополнительно сорок тысяч фунтов, но Омар Шелхи денег не жалел.

После ремонта и оборудования для операции «Конкистадор-13» должен был отправиться в сицилийский порт Катания, расположенный у самого под-

ножия вулкана Этна. Наемники должны были собраться там, прибывая поодиночке в обычной гражданской одежде, но имея при себе пару сапог на мягкой подошве, свободную черную куртку, рубашку или свитер, нож, вилку и ложку, котелок и фляжку. На борту катера им должны были выдать по спальному мешку, матерчатому ремню, ножу, сумке для боеприпасов, фонарю и каске.

Уже в море они должны были вскрыть 55 ящиков с оружием и боеприпасами, закупленными заранее, вычистить и проверить пулеметы, автоматы и пистолеты. Сорок пять ящиков оружия должны были быть доставлены в саму тюрьму, чтобы вооружить сторонников Шелхи.

Любопытно, что Фредерик Форсит в своем романе «Псы войны» скрупулезно повторяет все эти детали, взятые им из документальной книги «Отель «Хилтон». И читатель узнает несколько позже почему.

Высадка предполагалась на пустынном пляже в 15 милях к востоку от Триполи — при помощи шести десантных надувных лодок типа «Зодиак», использующихся в десантных войсках стран НАТО. Операция была намечена на начало февраля 1971 года.

Джеф Томпсон и другие наемники побывали в Триполи в качестве «туристов» и подробно ознакомились с местом, где им предстояло «работать».

На доставку наемников и их оплату Шелхи выделил 125 тысяч долларов.

Предусмотрительные и опытные в таких делах наемники запаслись страховыми полисами, действительными в течение трех месяцев.

На случай, если он будет убит в ходе операции, но король Идрис в результате ее все же вернет себе свой трон, Шелхи написал два письма и вручил их Кенту. Первое было адресовано королю. В нем говорилось, что Шелхи с радостью возвращает королевство «своему господину и приемному отцу». Второе адресовалось брату Шелхи — Абд ал-Азизу, находящемуся в «отеле «Хилтон». В нем, в частности, говорилось:

«Пожалуйста, выплати моему другу Джеймсу Кенту четыре миллиона долларов за участие, которое он принял в нашем деле».

Сначала Кент и Шелхи сторговались было на двух миллионах, но затем Шелхи сам удвоил эту сумму, небрежно заявив:

— Цифра не имеет никакого значения. Можно написать даже двадцать миллионов. В случае удачи нам стоит только оприходовать однодневную выручку действующих в Ливии нефтяных компаний, и мы с лихвой покроем все свои расходы.

Кент спрятал оба письма в надежный банковский сейф и приступил к выполнению плана. Казалось, все шло, как по маслу.

— А ведь мы действительно обстряпаем это дельце! — вырвалось даже как-то у Кента в разговоре с Джефом Томпсоном.

И вдруг все пошло кувырком. Переведенный в один из итальянских портов, «Конкистадор-13» подвергся обыску местной полицией. Затем Джефа Томпсона нашел человек, представившийся сотрудником английского министерства обороны и Си-Ай-Си (М-1). Он предупредил Джефа, что его ожидают крупные неприятности, если он посмеет принять участие в операции «Хилтон». Перепуганный Джеф, занимавшийся тогда в Триесте последними приготовлениями, бросил все и бежал в Неаполь. Кенту пришлось срочно пересматривать такие детали, как сроки операции, время встречи наемников, погрузка на катер, место принятия на борт Шелхи...

Начало операции перенесли на март. И вот наконец, в воскресенье 21 марта 1971 года «Конкистадор-13» с баками, полными горючего должен был выйти из Триеста, чтобы загрузиться оружием, забрать в Танжере группу наемников, встретить в открытом море судно, на котором должен был находиться Омар Шелхи, и принять его на борт. Капитан уж отдал приказ поднять якорь... и в этот самый момент из складских помещений порта выскочили вооруженные люди и ворвались на палубу «Конкистадора-13». Катер вместе с капитаном и

командой был арестован итальянской полицией. Операция сорвалась.

Омар Шелхи истратил на ее организацию около шестисот тысяч долларов. Подлинные причины ее провала до сих пор остаются тайной. Высказывались предположения, что ей помешали ЦРУ и Си-Ай-Си, все еще надеявшиеся якобы в то время «договориться» с Каддафи и использовать его в качестве орудия антикоммунизма и антисоветизма на Ближнем Востоке. Было мнение, что операцию «прикрыли» итальянские власти, не желавшие, чтобы она испортила отношения Италии с Ливией и другими арабскими странами.

Если же закончить эту историю, то следует рассказать, что Омар Шелхи пытался осуществить еще один заговор против ливийского правительства. На этот раз он действовал через главу марокканской секретной службы генерала Уфкира, но тот был убит во время попытки свержения короля Марокко Хасана.

Стирлинг до сих пор имеет свое «агентство», Кент куда-то исчез, решив «сменить климат», «Конкистадор-13» продан на слом, а Леон — владелец автоматов, продающих бутерброды и воду в Париже.

Герои — антигерои

Сюжет и фабула романа Фредерика Форсита очень близки к только что рассказанной истории. В «Псах войны» есть и наемники — английские, французские, южноафриканские. Есть история с закупкой оружия и катера. Есть и ночное нападение, правда, не на тюрьму, а на дворец президента некоего вымышленного африканского государства. Наемников же у Форсита оплачивает английская компания, заинтересованная в монопольной разработке национальных богатств этого государства, чему мешают его президент и стоящие за его спиной... «русские»!

Форсит изо всех сил старается создать образ очередного «джеймса бонда. Он и суров, и справедлив, покоряет сердца юных див и спасает грудных африканских младенцев, он бескорыстен и сражается во имя идеалов свободы и гуманности.

Надо ли говорить, насколько этот герой, а точнее антигерой далек от того, что было и есть в реальном наемничестве как явлении определенного социально-политического плана.

В наемничестве, как и во всяком бизнесе «свободного мира», есть свои имена, свои «звезды», такие, как например, Майк Хор, Жак Шрамм или Рольф Штайнер. Конечно же, именами этих трех «антигероев» список «звезд» наемничества далеко не исчерпывается. Но Рольф Штайнер, пожалуй, в западной прессе получил наибольшее паблисити, чему способствовала и написанная им саморекламная книга «Красный квадрат».

В этой книге Рольф Штайнер приписывает себе все существующие на свете добродетели и идеалы, а о своих «собратьях по оружию» отзывается крайне презрительно. Но кто же такой Рольф Штайнер на самом деле?

Этот баварец с прозрачными пустыми глазами родился в 1930 году в хорошо обеспеченной бюргерской семье и с первых лет своей жизни впитывал в себя весь тот яд, которым гитлеризм во что бы то ни стало стремился отравить немецкую молодежь.

Вступив в «гитлерюгенд», юный Рольф с охотой маршировал и горланил нацистские песни, обучался владению оружием и ненависти к «недочеловекам», к которым его учителя относили всех «неарийцев». В то же время он увлекался книгами об Африке, особенно жалея, что Германия после первой мировой войны потеряла там все свои колонии.

Вернуть их было мечтой юного Штайнера, и он собирался это сделать если не при помощи силы, то при помощи «слова божьего», которое он был готов нести африканцам в качестве миссионера, проповедующего им любовь к «матери-Германии».

Но со «словом божьим» вышла, как говорится, неувязочка. В 14 лет Штайнер решил отведать запретного плода с монахиней и после этого нашел себя недостойным миссионерской деятельности. Правда, война помогла ему залечить душевную рану. Геббельсовская пропаганда кричала тогда, что война должна «послужить испытанием для сильных личностей и средством утверждения превосходства германской расы». А Штайнер хотел — и еще как! — «испытаться»!

Уже с 1944 года фашизм погнал в окопы свои последние «резервы» — юношей 16—17 лет и стариков. В 1945 году советники Гитлера предложили бесноватому фюреру бросить в бои на берлинских улицах детей из «гитлерюгенда». Но Рольфу так и не пришлось принять участие в боях против «красных».

Уже будучи матерым преступником и командуя наемниками в джунглях «Биафры», он изливал душу английскому журналисту:

— Когда война окончилась, я был в отчаянии, потому что психологически и физически был готов к бою. Я стал бы драться, даже когда союзники уже контролировали всю страну. Но я не мог воевать в одиночку.

В первое время после поражения гитлеровской Германии таким, как Штайнер, еще нелегко было развернуться. И он решает отправиться во Францию, чтобы наняться там в иностранный легион, тем более что легиону так нужны в это время «отчаянные люди без моральных убеждений» — подавлять национально-освободительные движения, набирающие силу в Индокитае, в Алжире, на Мадагаскаре.

Двери вербовочного бюро в Марселе открыты и день и ночь. Здесь не спрашивают документов, называй себя любым именем, присваивай себе любой возраст, лишь бы ты подходил к строевой службе. Давай клятву на верность, подписывай контракт на пять лет и не пытайся дезертировать — кара будет беспощадной.

Штайнер подписал контракт, дал клятву — и в

16 лет стал профессиональным наемником. Первая страна, где он смог «испытаться»,— Мадагаскар. Там вспыхивает восстание, и легионеры отправляются его подавлять. Они вырезают почти сто тысяч жителей острова и добиваются его «умиротворения».

Затем наступает очередь Алжира, охваченного пока лишь волнениями, а не всеобщим восстанием, вспыхнувшим несколько позже. Волнения безжалостно подавляются, демонстрации расстреливаются.

Штайнер воюет в Корее, в Индокитае, снова возвращается в Алжир. Он — активный член ОАС, за что попадает в парижскую тюрьму «Санте».

После тюрьмы — безработный. Ему 24 года, он наемник-профессионал. В Южной Корее он обучал южнокорейских командосов, готовил диверсионные отряды. В Алжире специализировался на допросах с применением пыток, стал «специалистом»-террористом.

Конечно же, такой «кадр» не должен пропасть! И его подбирает некий «майор» Фальк, бывший его начальником еще в легионе и связанный с СДЕСЕ — «Службой внешней документации и контрразведки» Франции.

В послужном списке Рольфа Штайнера появляется Конго (Катанга).

Именно на службе у кровавого палача конголезского народа Моиза Чомбе и пришла к Рольфу Штайнеру его мрачная известность. Его имя появляется в газетах всего мира рядом с именами Жака Шрамма («Черный Джек»), Зигфрида Мюллера («Мюллер-Конго»), Майка Хора («бешеный Майк»). Они словно состязаются в зверствах! Сжигают африканцев заживо, изобретают немыслимые пытки, устанавливают на пулеметы кинокамеры и, расстреливая людей в упор, снимают «крупные планы», за которые телекомпании платят бешеные деньги.

Официально наемники числятся на службе у Чомбе «инструкторами по контракту» — как и в Омане, как и в «Уочгарде»!

Затем, в июле 1967 года, Штайнер отправляется

в «Биафру», «нефтяную республику», провозглашенную полковником Оджукву, бывшим военным губернатором этой восточной провинции Нигерии. Но если в Катанге Штайнер представлял интересы бельгийских монополий, то в «Биафре» он работает на монополии французские!

В Энугу, столице «Биафры», он считается птицей высокого полета: еще бы, за плечами такой послужной список! Штайнер — политический и военный советник Оджукву и его близкий друг. Он сначала занимается подготовкой местных командосов, а затем формирует из них свою собственную, так называемую «четвертую бригаду», которая состоит из трех тысяч отборных головорезов, составляющих шесть ударных подразделений.

Эмблема «четвертой бригады» — череп и скрещенные под ним кости. Но Штайнер всячески отвергает аналогии с пиратским «Черным Роджером». Череп и скрещенные кости, по его объяснению, символ верности еще древнегерманских племен своим вождям.

Несмотря на старания Штайнера и других наемников, дела на фронтах идут плохо. Федеральные войска хоть и с трудом, но продвигаются вперед. Город Энугу пал, и столицей «Биафры» становится маленький городок Умуахия. Здесь наемники помогают соорудить аэродром, на который их «коллеги» — наемники-летчики каждую ночь сажают самолеты с боеприпасами и оружием, частенько замаскированными под грузы Международного Красного Креста, направляемые гражданскому населению.

Считается, что, если бы в «Биафре» не было наемников, гражданская война в Нигерии закончилась как минимум раньше на год! Но империалистические монополии, грызущиеся из-за нефти «Биафры», затягивают войну, как только могут, выигрывая время для политического торга с конкурентами.

И все же дело идет к концу. Наемники, привыкшие иметь дело с безоружными конголезцами, не выдерживают ударов регулярной нигерийской армии, несут непривычные для них потери. Многие

разрывают контракты и удирают куда глаза глядят. Лишь двое — Штайнер и некий «капитан» Арман дотягивают свои контракты, заключенные, как обычно, на шесть месяцев.

В последние недели Штайнер все больше и больше пьет, его охватывает мания величия, он провозглашает себя спасителем «Биафры» и разъезжает в «мерседесе» под личным штандартом. Он планирует молниеносный прорыв через линии федеральных войск и бросок крупной механизированной колонны на нигерийскую столицу Лагос. Он собирается захватить власть уже во всей Нигерии!

Тем временем империалистические хозяева Оджукву убеждаются, что оплачиваемые ими наемники не могут решить дело в пользу «Биафры», а творимые ими зверства, грабежи и разбой лишь «компрометируют президента» Оджукву. Принимается решение избавиться от них и найти какой-либо иной способ прибрать к рукам нигерийские нефтяные богатства. Поговаривают о возможности направления в «Биафру» войск ЮАР! Кто-то, может быть, подумывал и о повторении позорной операции войск ООН в Конго, в результате которой был свергнут и убит законный премьер-министр этой страны Патрис Лумумба.

Оджукву, наверняка по совету своих хозяев, ищет возможности избавиться от наемников, прежде всего от такой одиозной фигуры, как Рольф Штайнер. Наконец повод найден! Штайнер захватил три машины Международного Красного Креста, который заявил в связи с этим резкий протест.

Оджукву вызывает к себе Штайнера. Тот не является к «президенту» — раз, другой. Наконец появляется во «дворце» пьяный в стельку. По правилам, установленным опасающимся за свою жизнь «президентом», никто не смеет входить к нему с оружием.

Штайнер отказывается сдать оружие телохранителям Оджукву и орет:

— Племя рабов, чем отбирать у меня оружие, принесите-ка мне холодного пива и дайте пройти!

Его и еще нескольких наемников изгоняют с первым же ночным самолетом.

На некоторое время Штайнер появляется в ФРГ, где вспоминает, что в детстве мечтал о миссионерской деятельности в Африке! Его тут же принимает в свои объятия некая «группа немецких гуманистических ассоциаций», создавшая «комитет действий Биафра — Судан». За ней стоят и католические миссионеры («веронские отцы»), и разведка Израиля. Их объединяет поддержка южносуданских племен, где сильно влияние католических миссионеров и сепаратистские настроения, выражаемые «генералом» Тафенгом и его «армией анья-нья», что в переводе означает «армия яда кобры».

К тому времени мятеж, поощряемый святыми отцами и разведкой Израиля, продолжался уже почти десять лет: мятежники требовали отделения от Судана и создания «южносуданского христианского государства». Оружие им поставляли израильтяне. Штайнеру же поручается осуществление «плана помощи и снабжения питанием» мятежников.

А потом в газетах замелькали снимки, сделанные в южном Судане: Штайнер руководит строительством аэродрома для приема тяжелых самолетов, Штайнер с пистолетом в руках перед солдатами мятежников, Штайнер показывает, как следует обращаться с пулеметом...

Журналисты, которых Штайнер не стеснялся, понимая, что всякий товар, в том числе и наемничество, нуждается в рекламе, сообщали, что бравый Рольф завел среди солдат мятежников прусскую муштру. Например: слушал «вражескую» пропагандистскую радиопередачу — получай двадцать пять палок!

У мятежников Штайнер имел звание «генерал-лейтенанта»! И опять у него начались неудачи. Израильтяне, понимая, что фигура Штайнера привлекает к «анья-нья» и их связям с матежниками слишком большое внимание общественности, решили избавиться от «генерал-лейтенанта».

В Судане в это же время действовал и коллега

Штайнера по «Биафре» — «капитан» Арман. «Капитан» каким-то образом ухитрился обидеть «генерал-лейтенанта», и тот послал ему вызов на... дуэль. Ответ «капитана» состоял из непечатных выражений. Дело шло к столкновению между бандами Штайнера и Армана. Но тут правительственные войска развернули наступление и захватили лагерь Морто, где находился штаб Штайнера. Сам Штайнер бежал в соседнюю Уганду, документы его вызвали подозрения, он был задержан, а затем и арестован. Когда личность этого матерого наемника была установлена, к нему было приставлено сразу двое часовых, не спускавших с него глаз ни днем ни ночью. А тем временем консул ФРГ настоятельно требует высылки своего согражданина на родину.

Время идет, решение не принимается... Но тут в ноябре 1970 года вопрос о наемниках в очередной раз стал на повестку дня: наемники высадились в Гвинее и попытались свергнуть правительство Секу Туре!

В столице Нигерии Лагосе, в стране, немало натерпевшейся от наемников «Биафры», созывается экстренная сессия Организации африканского единства. ОАЕ напоминает о решении, принятом в 1968 году ее специальным комитетом по наемникам,— выдавать захваченных наемников тем правительствам, против которых они выступали. И во исполнение этого решения Уганда выдает Штайнера Судану.

Суданский министр внутренних дел, выступая перед иностранными журналистами и дипломатами, аккредитованными в Хартуме, заявил:

— Рольф Штайнер воплощает в себе самые мерзкие и отвратительные качества, встречающиеся в человеке. Это кровопийца. Но дело не только в этом. Он виновен во всех преступлениях, вершимых неоколониализмом и империализмом против нашего континента, начиная от берегов Средиземного моря и до расистской ЮАР. Он участвовал в войнах против освободительных движений, которые борются с колониализмом. Он пытался помешать раз-

витию суданской революции. Он поднял руку на многое, и он заплатит за свои преступления. Судить его будет Африка».

Но пока шло следствие, политический климат в Судане изменился. Да, Штайнер все же предстал перед судом. Но приговор суда (смертная казнь!) был смягчен (20 лет тюрьмы!), и мало кто обратил внимание на проскользнувшее некоторое время спустя сообщение в газетах о том, что Штайнер, лишь начав отбывать предназначенный ему срок тюремного заключения, потихоньку был выслан в ФРГ. Там-то он и сотворил свое сочинение «Красный квадрат», принесшее ему хорошие барыши.

А теперь о событиях ноября 1970 года, в результате которых Рольф Штайнер в ночь на 9 января 1971 года был выведен из своей камеры в угандийской тюрьме, в аэропорту Энтеббе передан суданским властям и на самолете «Фоккер-27» отправлен в Хартум.

Авантюра генерала ди Спинолы

В ту душную ноябрьскую ночь в гвинейской столице Конакри, разбросанном, в основном одно- и двухэтажном городе в типичном «французском колониальном стиле», не ожидалось ничего необычного. Резкие фонари тускло мерцали сквозь пыльные кроны пальм, растрепанные ветерком, дующим с океана, но не приносящим желанной прохлады. Сезон дождей уже закончился, и лишь изредка где-то вдали погромыхивала случайная гроза.

Гвинейская столица спала и не ведала надвигающейся беды.

А между тем в густой тьме тропической ночи, потушив огни, к ней по-пиратски подбирались с океана шесть быстроходных десантных судов. Уже потом стали известны их названия: «Монтанте», «Бомбарда», «Идол», «Ориент», «Кассиопея» и «Драгон». Войдя в гвинейские территориальные воды, они спу-

стили десантные шлюпки, которые бесшумно устремились к берегу: каждая следовала к точно определенному ей пункту на берегу, и на каждой были местные проводники, знавшие побережье, как свои пять пальцев.

Португальские офицеры, руководящие операцией, предусмотрительно оставались на судах, поддерживая постоянную связь со своим штабом в городе Бисау — столице бывшей в то время португальской колонии Гвинеи-Бисау. Оттуда, из своего штаба, операцией руководил лично генерал-губернатор колонии Антониу ди Спинола, тот самый «генерал с моноклем», который вел в «португальских заморских провинциях» беспощадную борьбу против местных патриотов.

Генерал ди Спинола считался специалистом по «африканским войнам» и «антипартизанским действиям». Несмотря на солидный возраст, он не чуждался новшеств и охотно перенимал чужой опыт. Действия гитлеровцев против советских партизан, французские акции в Алжире, приемы, испытывавшиеся американцами во Вьетнаме,— все это в той или иной степени находило свое отражение в стратегии и тактике генерала ди Спинолы, не жалевшего сил, чтобы сохранить последнюю колониальную империю на земном шаре — португальскую.

А положение в португальских колониях уже тогда складывалось все больше и больше в пользу местных патриотов. Партизаны «португальской» Гвинеи, Анголы и Мозамбика добивались все новых и новых успехов. Лишь для того, чтобы контролировать крупные населенные пункты в «португальской» Гвинее, колонизаторам приходилось держать в этой стране двадцатипятитысячную армию, что стоило колоссальных средств Португалии, которой, кроме того, приходилось содержать куда более значительные силы в Анголе и Мозамбике.

Немалый ущерб колонизаторы несли в результате действий партизан Африканской партии независимости Гвинеи и Островов Зеленого Мыса (ПАИГК), которые к этому времени контролировали уже

75 процентов территории, кроме крупных населенных пунктов, да и в тех колонизаторы давно уже не чувствовали себя в безопасности.

Поэтому лиссабонские правители одобрили меры, предложенные «генералом с моноклем» и направленные на изменение ситуации — прежде всего в Гвинее-Бисау. Вкратце эти меры сводились к следующему. Прежде всего колонизаторы стали делать намеки, что готовы пойти на переговоры с ПАИГК. Они даже выпустили из тюрем некоторых видных членов этой партии— как потом оказалось, согласившихся сотрудничать с фашистской охранкой ПИДЕ и организовавших затем убийство лидера ПАИГК Амилкара Кабрала.

Вторым направлением действий ди Спинолы в Гвинее-Бисау стала «либеризация»: колонизаторы объявили, что собираются добиться роста благосостояния чернокожего населения колонии, разработать программу строительства для него школ и больниц.

Третьим направлением была попытка разорвать узы дружбы и сотрудничества, существовавшие между патриотическими силами Гвинеи-Бисау и соседней с нею Гвинейской Республики.

Словно по сигналу, западная буржуазная печать развернула тогда клеветническую кампанию против Гвинейской Республики и ее президента Секу Туре, обвиняя его в намерении оккупировать Гвинею-Бисау и Острова Зеленого Мыса, которые, мол, затем будут превращены в «базы советского военно-морского флота». С помощью этого грубого пропагандистского измышления готовилась «моральная почва» для того, что произошло 22 ноября 1970 года.

Замыслам генерала ди Спинолы в отношении Гвинейской Республики покровительствовал Пентагон, их поддерживали португальские генералы, действовавшие в Мозамбике и Анголе, к ним с интересом и одобрением относились расистские власти ЮАР.

Итак, в ночь на 22 ноября 1970 года должно было решиться многое. Планировалось нанести удар по дворцу президента, захватить и немедленно рас-

стрелять Секу Туре, напасть врасплох на армейские казармы в Конакри, блокировать их, штурмовать и вынудить сдаться. Специальные группы должны были уничтожить штаб-квартиру ПАИГК, находившуюся на одной из окраин города, и всех лидеров и активистов патриотических сил Гвинеи-Бисау. Объектами нападения должны были стать городская тюрьма, аэропорт и радиостанция. Радиостанцию предполагалось использовать для провозглашения в стране «нового строя» и объявления о приходе к власти «нового демократического правительства», которое, после этого объявления, должно было прибыть из Бисау на захваченный десантниками аэродром. В поддержку морскому десанту должен был быть выброшен воздушный десант, а через границу на Конакри была готова двинуться бронетанковая колонна.

Учитывая ожидавшуюся реакцию мирового общественного мнения, было решено, что участвовать в операции будут не европейцы, а африканцы. Часть из них была навербована среди чернокожих солдат португальской колониальной армии, другая — среди реакционной гвинейской эмиграции, которая должна была заранее сформировать и «новое демократическое правительство».

Чернокожие наемники сражались уже бок о бок со своими белокожими «коллегами» и в Конго, и в «Биафре». Но там они были, так сказать, на вторых ролях. В ночь на 22 ноября 1970 года империалисты планировали их дебют в качестве своей главной ударной силы против национально-освободительных движений в Африке. Это был вариант (африканский!) американской политики «вьетнамизации», авторы которой хотели, чтобы вьетнамцы убивали вьетнамцев, осуществляя замыслы Вашингтона в Азии. В Африке подобные замыслы должны были осуществляться руками африканских наемников.

Поначалу у наемников все шло гладко. Они захватили многие важные позиции в городе, осадили казармы и прорвались к президентскому дворцу. Но президента в нем не оказалось, взять казармы

не удалось, как не удалось захватить радиостанцию и аэродром. А потом началось непредусмотренное заговорщиками. «Пятая колонна», которая должна была встречать десантников в городе, оказалась ликвидированной накануне, народная милиция, отряды которой имелись в каждом квартале города,— вооруженной и мобилизованной, а части регулярной армии Гвинеи, находившиеся вне Конакри, не только преградили путь бронетанковой колонне, пытавшейся пересечь границу, но и двинулись на защиту столицы республики.

Бои продолжались несколько часов. Наемники, не выдержав контратак республиканской армии и отрядов народной милиции, обратились в бегство, бросая оружие, снаряжение, стараясь избавиться от военной формы. Одни попытались рассеяться и скрыться в болотистых зарослях, окружающих Конакри, другие — в городских трущобах, оставшихся в наследство от колониальных времен, третьи — пробиться к морю через «кладбище истории» — свалку монументов и памятников колонизаторов, свергнутых гвинейцами с пьедесталов и сваленных на топком берегу.

До рассвета ждали возвращения наемников «Монтанте», «Бомбарда» и другие десантные суда, а на рассвете им пришлось удирать восвояси под огнем республиканской береговой артиллерии и национальных военно-воздушных сил. Несколько дней затем продолжалось вылавливание скрывающихся десантников, в котором принимали активное участие армия, народная милиция и все население Конакри от мала до велика.

Было взято большое количество пленных, оружия и снаряжения. И сама операция и ее финал удивительно напоминали вторжение наемников ЦРУ на Кубу в заливе Кочинос почти десять лет назад. И как и десять лет назад, взятые в плен наемники, представ сначала перед специальной миссией ООН, а затем и перед народным судом, рассказали немало интересного. В руках республиканских властей оказались чрезвычайно важные разоблачительные до-

кументы. Например, в еженедельнике «Хоройя-Эбдо», издаваемом правящей демократической партией Гвинеи, была опубликована фотография, показывающая одного из руководителей наемников некоего Манга Диалло, захваченного в Конакри, беседующим накануне операции с генералом Антониу ди Спинола. Это было особенно важно, так как Лиссабон после провала операции настойчиво отрицал свою к ней причастность.

Что же касается показаний пленных наемников, то их Лиссабон объявил «вырванными под пытками» и «фальсифицированными». Так это подавалось и западной буржуазной пропагандой. Однако и здесь появился неожиданный для заговорщиков момент. Правительство Либерии, тесно связанной с США и считающейся на Африканском континенте страной с «умеренным» и «консервативным» режимом, опубликовало коммюнике, в котором сообщило об имевшихся у него доказательствах «причастности» к агрессии против независимой Гвинейской Республики, государства-члена ООН, другого государства-члена ООН — Португалии.

В коммюнике шла речь о признаниях чернокожего солдата португальской колониальной армии Франциско Гомеса Нанке, личный номер 821844/1970. Он заявил, что примерно за девять месяцев до вторжения в Гвинею был призван в португальскую колониальную армию и проходил специальную подготовку в частях командосов в военном лагере Бафата, где входил в состав 1-й африканской роты, называющейся «Адидо». 20 ноября 1970 года он с группой из трех десятков человек под командой португальского лейтенанта Галвана был переведен на один из островов Бижагош в деревню Соке, где присоединился к другим наемникам и чернокожим солдатам португальской армии, хорошо вооруженным, имеющим легкую и даже тяжелую артиллерию. Затем они погрузились на корабли, дошли до берегов Гвинеи и предприняли ночную атаку на Конакри.

Франциско Гомесу Нанке повезло больше дру-

гих. Ему случайно удалось избежать плена и добраться до либерийской столицы Монровии, где он и решил остаться, дав либерийским властям соответствующие показания, дабы они не выслали его обратно в Гвинею-Бисау, как обычно поступали с эмигрантами из этой страны.

Из показаний пленных тоже следовало, что, не будучи уверенными в способности наемников добиться успеха, колониальные власти включили в состав их отрядов и своих чернокожих солдат.

Говорит пленный «Финдинко»:

— Я, Кейта Мамаду, по прозвищу «Финдинко», личный номер 820363/1965, рота СПМ 0798 СС Африкана, призван в армию в Бисау в 1965 году. Командир батальона — майор Диал Далмейда, по национальности португалец. Командир роты — капитан Жоан Диалло, родился в Гвинее. Подразделение формировалось в Португалии, базировалось в деревушке Фаша близ города Бафата (Гвинея-Бисау). Здесь командир батальона и сообщил нам о предстоящей двухнедельной операции. Вооружение и обмундирование были уже подготовлены и погружены на шесть судов. Кроме нашей роты, насчитывавшей 150 солдат, на судах находилось еще около 150 человек.

На острове Сонга, куда мы первоначально прибыли, к нам присоединилось 50 вооруженных гвинейцев. Их распределили по судам, и они должны были выполнять роль проводников при захвате различных стратегических пунктов гвинейской столицы. С острова мы отплыли в 6 часов утра 20 ноября 1970 года.

Через два дня мы уже подходили к Конакри. Командующий операцией перегруппировал все шесть кораблей. Каждая группа, участвовавшая в операции, получила свое задание. Одна из них, состоящая из гвинейцев (наемников — *Е. К.*) под командованием унтер-офицера, должна была захватить министерство обороны Гвинеи. Другая—атаковать аэродром.

Наша группа должна была разрушить дорогу, соединяющую военный лагерь Альфа Яйяй и лагерь

Буаро. В Конакри у нас были свои люди среди гражданских лиц, которые после захвата лагерей должны были носить зеленые нарукавные опознавательные знаки...

Но, как следует из показаний пленных чернокожих солдат португальской армии, моральный дух их был очень невысок. Вот, например, рассказ Жоана Лопеша, дававшего показания специальной миссии ООН:

«Я родился 5 декабря 1945 года в Бисау. 5 мая 1966 года поступил в кавалерийскую школу в Санта-Рой. Спустя три месяца меня направили в центр по подготовке сержантов в местечке Шавира. После девятимесячного обучения получил назначение в 15-й пехотный полк, где служил до 2 апреля 1967 года, когда меня отправили в Гвинею-Бисау. Там был прикомандирован к части, расположенной в Бра. Мы входили в состав сил, подчиненных командующему португальской армии в Гвинее-Бисау. Спустя некоторое время нас передислоцировали в Бафата. Вскоре из Бисау к нам прибыли майор, капитан и еще 28 человек. Мне было приказано подготовить роту к операции, которая должна была продлиться, по словам прибывших к нам офицеров, 10—15 дней. Меня, однако, не информировали ни о месте, ни о характере операции. Вначале мы прибыли в Шим, где к нам присоединилось еще одно воинское подразделение, а затем отправились на остров Сонга.

Нам было запрещено высаживаться с корабля на берег и вступать в контакт с частями, находящимися на острове. Среди нас началось смятение. Никто не знал, куда нас отправят дальше и что нам прикажут делать. Строились всевозможные предположения: одни говорили, что нас направят в Комо, другие — на Острова Зеленого Мыса, третьи—в Ташора Пинто. Наконец, через три дня нам разрешили высадиться на берег и приказали сдать старое обмундирование и оружие. Вместо него нам выдали все новое. На берегу было много народу, но никто не знал, что это за люди.

Один из них сказал нам, что они из Конакри и мы должны переправить их туда. Вернувшись на судно, я рассказал об этом разговоре моим товарищам и сказал, что не хочу участвовать в этом деле. Они поддержали меня. Отказались участвовать в этой операции даже сержант и майор. Прибывший срочно к нам на корабль командующий операцией Галван арестовал майора и отправил его в Бисау. Однако через день майор вернулся вместе с генералом и лейтенантом Галваном, и нам было приказано взять курс на Конакри. Нам было обещано, что мы лишь переправим гвинейцев в Конакри и вернемся назад. Нас предупредили, что тот, кто откажется выполнять этот приказ, будет немедленно арестован и заключен на два года в тюрьму. Офицерам удалось убедить нас, что наше участие в операции ограничится перевозкой этих людей, являющихся уроженцами Гвинейской Республики. Нам сообщили также, что в случае успешного осуществления операции фактически будет решен вопрос об окончании войны, которую мы ведем с партизанами Гвинеи-Бисау. Генерал обещал нам позаботиться о наших семьях, если с нами что-нибудь случится. Но, по его словам, успех операции был гарантирован на 95 процентов.

В случае неблагоприятного хода событий я надеялся остаться в Гвинее, где у меня живет брат. Так как положение у нас было безвыходным, мы решили подчиниться приказу.

В моей роте было 150 солдат. В операции принимал участие также отряд командосов в количестве примерно восьмидесяти человек. Помимо нас, на кораблях было также 150 человек, называвших себя «вооруженными силами Гвинейской Республики». Силы вторжения были разделены на группы, и в распоряжении каждой было по кораблю.

В 8 часов вечера мы отплыли и прибыли на место назначения в 10 часов вечера следующего дня. Увидев на берегу огни, я понял, что это Конакри, так как знал о цели операции. Многие же даже не догадывались, где мы находимся. Иные думали, что мы прибыли на Острова Зеленого Мыса.

Когда показался маяк, меня вызвали к капитану Мораису, который приказал мне готовиться к высадке на берег.

— Как на берег? — удивился я.— Нам ведь говорили, что высаживаться будут те, другие...

— У меня есть приказ высадить вас на берег! — ответил мне капитан Мораис.

На воду спустили катера и лодки. Нас разделили на группы, и каждая получила свое задание. Я был назначен помощником командира группы. Он находился на первом катере, я — на последнем. Почти у самого берега нас встретили две лодки с рыбаками. Я сказал командиру, что эти люди могут поднять тревогу, но он успокоил меня в отношении их.

Наконец, мы высадились на берег. Здесь нам еще раз уточнили наши задачи. Мне было приказано захватить аэропорт и уничтожить находившиеся там гвинейские самолеты. Лейтенант Галван должен был атаковать штаб-квартиру Африканской партии независимости Гвинеи и Островов Зеленого Мыса (ПАИГК), ведущей войну против португальской армии на территории Гвинеи-Бисау.

Добравшись до аэродрома, я приказал своей группе залечь. Мы посовещались и все до единого решили не участвовать в нападении на аэродром. Я предложил солдатам вернуться назад, а сам, поскольку мне не хотелось сидеть два года в тюрьме, решил остаться в Гвинее. Все солдаты также решили не возвращаться назад и наутро сдаться властям Гвинейской Республики.

Явившись утром в народную милицию, я сознался, что принимал участие в этой агрессии, так как не посмел ослушаться приказа. Я просил оставить меня в Гвинее. Бог видит, что я сказал чистую правду».

В романе «Псы войны» наемники довольно легко захватили президентский дворец, убили президента и поставили во главе описываемой Фредериком Форситом вымышленной африканской страны «новое правительство». В операции (в книге) участвовала и дюжина африканских наемников, бывших

солдат «мятежной Биафры». В Гвинее высадилось гораздо больше наемников, да и подготовка у них, судя по показаниям пленных, была куда выше, чем у «героев» Ф. Форсита. Однако ничего у них в Гвинее не получилось. Дело для фашистских правителей Лиссабона и стоявших за их спиной разведывательных служб стран НАТО кончилось грандиозным международным скандалом.

Но и эта неудача, как показали последующие события, не обескуражила хозяев «псов войны». Жертвой их очередного заговора стала другая западноафриканская страна — Бенин.

Операция «Креветка»

В дни, когда Рольф Штайнер был передан властям Судана, один из зарубежных журналов писал об этом как о крахе наемничества в качестве политического явления. Тогда многим действительно казалось, что после Конго, «Биафры» и Судана наемничеству и наемникам пришел конец. Однако затем было вторжение в Гвинею, операция «Отель «Хилтон», заговор против Экваториальной Гвинеи, «офицеры по контракту» в Омане, агрессия против Анголы и суд в Луанде, «мост смерти» в Бейруте...

Каждая такая «веха» в истории современного наемничества сопровождалась политическим скандалом, причем таким, что после него все в один голос заявляли: «Ну, теперь-то наемничеству пришел конец! Теперь о наемниках можно забыть как о теме, потерявшей свою актуальность!» А когда 16 января 1977 года из Котону, столицы Народной Республики Бенин, вдруг поступили сообщения, что эта страна, незадолго до того объявившая о своей социалистической ориентации, подверглась нападению наемников — белых и черных, буржуазные средства информации взяли их под сомнение.

Так называемая операция «Креветка» (по другим

данным она носила кодовое название «Омега») была проведена по классическим канонам стратегии и тактики современного наемничества.

...В то воскресное утро 16 января 1977 года город Котону, уютно расположившийся на берегу Атлантического океана и разрезанный на две части живописной лагуной, должен был, как всегда по воскресеньям, проснуться поздно. По воскресеньям в Котону не работал даже знаменитый на всю Западную Африку овощной рынок и рано вставали лишь наиболее набожные горожане, чтобы не пропустить утреннюю мессу. Если же учесть, что жители этой маленькой страны любят веселиться всю субботнюю ночь напролет, то можно хорошо себе представить пустоту и тишину улиц Котону в седьмом часу утра 16 января 1977 года, когда над городом со стороны моря вдруг появился самолет, за которым тянулся шлейф дыма. Самолет стремительно шел на посадку — на городской аэродром, расположенный примерно в трех километрах от центра города.

Но и там его не ждали. По расписанию в это утро в Котону должен был прибыть лишь самолет французской компании ЮТА и то лишь в 11 часов, но никак не на четыре часа раньше!

Дело в том, что в это время года летное поле обычно бывает в ранние утренние часы закрыто туманом, что делает посадку на нем довольно небезопасной. Но в то утро тумана почти не было, и немногие служащие аэропорта, которые все же находились на своих местах, с недоумением глядели на неизвестно откуда появившийся ДС-7, большой пассажирский самолет, явно совершающий вынужденную посадку.

О том, что посадка вынужденная, свидетельствовало, конечно, и отсутствие связи между самолетом и аэродромной службой — у летчиков, видимо, не было возможности запросить разрешение на посадку! Поэтому служащие аэропорта, движимые самыми добрыми намерениями оказать помощь, устремились к ДС-7, как только его колеса коснулись посадочной полосы — одни срочно подкатывали лест-

ницы, другие тащили носилки, медикаменты и перевязочные материалы.

Но, не успев добежать до приземлившейся машины, они вдруг увидели, как дверцы на ее борту распахнулись и оттуда по канатам один за другим заскользили на землю парни в пятнистых куртках, вооруженные буквально до зубов.

Первые же из них, очутившись на земле, открыли беспорядочную стрельбу во всех направлениях, в том числе и по контрольной башне аэропорта, напротив которой остановился ДС-7.

Бенинцы бросились на землю. Несколько солдат охраны, попытавшиеся было оказать сопротивление, погибли. Все произошло в считанные минуты — аэропорт оказался захваченным примерно сотней белых и чернокожих десантников, которыми руководил европеец с военной выправкой.

Так началось нападение наемников на Народную Республику Бенин, нападение, целью которого являлось свержение правительства Матье Кереку, пришедшего к власти в октябре 1972 года и осуществляющего в стране программу широких социально-экономических преобразований.

Как выяснилось уже потом, руководил наемниками некий «полковник Моран», чье подлинное имя — Жильбер Буржо.

«Полковник Моран» руководил операцией, не отходя от самолета. Здесь же наемники оборудовали походный командный пункт. По приказу Морана они разбились на четыре группы. Одна осталась у самолета (самая маленькая), а три других оседлали шоссе, ведущее в город. Затем одна из групп устремилась в приморские кварталы, другая — к центру города, где находился дворец президента и важнейшие государственные учреждения. Наемники остановили и захватили на шоссе несколько автомобилей, погрузились в них и помчались по городским улицам, на ходу стреляя по всему, «что движется».

Казалось, что они добились успеха. Они захватили кварталы Каджихун, Жонке, Уихо, перерезали ав-

тостраду Бенин — Того — Гана. Они ворвались в центр... и вдруг разом взревели гудки судов, стоящих в порту! Это была тревога!

И уже радио передавало обращение к гражданам страны президента Матье Кереку:

— Революция в опасности! Граждане, к оружию!

Три колонны наемников, ворвавшись в центр, с трех сторон атаковали дворец президента, обрушив на него огонь из безоткатных орудий, гранатометов, пулеметов, минометов. По пути они обстреляли здание телевидения, зал съездов, здание министерства финансов, управление социального обеспечения, посольство Нигерии...

Но президентского дворца им взять не удалось. Его охрана, находясь под ожесточенным обстрелом, оказывала упорное сопротивление. Сам президент уже был в военном лагере Шезо, в ставке главнокомандующего республиканской армии, откуда руководил организацией сначала обороны, а затем и наступления.

Уже через несколько минут после высадки наемников радио передавало его обращение:

— Сегодня утром на рассвете группа наемников, состоящих на жалованье у империалистов, начала вооруженную агрессию против героического бенинского народа и его демократической революции, атаковав город Котону. В час, когда мы к вам обращаемся, наши вооруженные силы, поднятые по тревоге, выступают на защиту от агрессоров стратегических пунктов нашего города. Нет никаких сомнений в том, что мы победим, потому что дело нашего героического народа справедливо и непобедимо.

Президент призвал все население страны встать на защиту революции, и его призыв был услышан. В городе возникли баррикады, горожане организовались в бригады безопасности. Против наемников выступили комитеты защиты революции и профсоюзы. Быстро перегруппировавшись, части бенинской армии перешли в наступление.

И наемники обратились в бегство. Они так спешили, что бросили все свое тяжелое вооружение и

боеприпасы и даже — вопреки традиции — тела трех своих коллег, правда, изуродовав до неузнаваемости их лица. Самолет взлетел так поспешно, что несколько чернокожих наемников остались в аэропорту и попытались скрыться в окружающих город болотах, из которых затем было извлечено несколько военных униформ. Республиканская армия захватила пленных и важные разоблачительные документы.

В многократно уже упоминавшейся книге Ф. Форсита наемники преуспели (а их было гораздо меньше) в почти аналогичной ситуации, однако при отсутствии одного, но чрезвычайного фактора, на который они натолкнулись в Народной Республике Бенин, а именно — всенародного сопротивления.

Именно всенародное сопротивление сорвало операцию наемников в Гвинее, оно же сорвало и операцию «Креветка» в Бенине. Пока шли бои в городе, а шли они почти пять часов, республиканское радио периодически передавало призывы ко всеобщему сопротивлению — с интервалами в пять минут. «Революция или смерть!», «Смерть наемникам и предателям!» — эти лозунги, провозглашенные президентом, вывели на улицы всех горожан, способных держать оружие. Радио обратилось ко всем шоферам такси и других машин, имеющих громкоговорители, с просьбой разъезжать по улицам города, призывать население к оружию и разъяснять происходящие события. В часы агрессии и в последующие дни патрули народных бригад безопасности останавливали и проверяли подозрительных прохожих и автомашины, разыскивая неуспевших улететь наемников.

Военные части по всей стране были подняты по тревоге. В районе порта Котону были построены баррикады — на случай нападения наемников по «гвинейскому образцу» — со стороны океана. А через день, когда стало ясно, что заговор сорван, президент республики Матье Кереку пригласил весь дипломатический корпус, аккредитованный в стране, и журналистов в свой дворец.

Президент сам водил приглашенных по дворцу, усеянному обломками, кусками штукатурки, битым стеклом, показывал пробоины в стенах. Два снаряда или ракеты угодило в его жилую комнату, и, подняв руку к пробоинам в потолке, президент пошутил:

— Империализм преподнес нам хороший «памятный подарок» на Новый год и пожелал нам отличного здоровья!

Затем наступила очередь осмотра своеобразной выставки, занявшей довольно большой зал: минометы, гранатометы, крупнокалиберные пулеметы, ящики с боеприпасами и взрывчаткой, мощная передвижная радиостанция, коробки с продуктами питания, спиртным... Кстати, взятые в плен наемники, как выяснилось, были под действием наркотиков, принятых ими перед началом операции «Креветка».

Однако буржуазная печать продолжала замалчивать очередной скандал с «псами войны» и теми, кому они служат. Молчала она и тогда, когда левые французские газеты опубликовали заявления двух французских наемников, участвовавших в операции «Креветка» и сразу же после ее провала вернувшихся в Париж, заявления о том, что на борту ДС-7, совершившего «вынужденную посадку» в Котону, «преобладали белые, изъяснявшиеся на чистом французском языке».

Парижский еженедельник «Канар аншене», известный своими разоблачительными статьями о деятельности французских секретных служб, писал спустя три недели после высадки в Котону:

«Значительная часть наемников, участвовавших недавно в попытке путча в Бенине, была завербована во Франции и Бельгии. В курсе подготовки этой операции была французская служба разведки. Вдохновлял дело с помощью нескольких американских агентов бывший президент Дагомеи Зинсу, нашедший прибежище во Франции... Можно предположить, что кое-кому во Франции до сих пор не дают покоя воспоминания о «славном» колониальном прошлом».

Бенинское правительство решило привлечь к расследованию международных наблюдателей, в результате чего была создана специальная комиссия, в которую вошли представители Нигерии, Гвинеи и Бенина. Комиссия немедленно приступила к делу, благо материалов разного рода, связанных с операцией «Креветка», в ее распоряжении оказалось предостаточно.

Прежде всего, любопытные показания дал комиссии некий Ба Альфа Умару, уроженец Сенегала, наемник, взятый в плен в Котону. По его словам, он был завербован в Дакаре неким Диалло Бубакаром, членом реакционной группировки гвинейских эмигрантов, причастной ко вторжению наемников в Гвинею в ноябре 1970 года. Он подробно рассказал, как после вербовки вместе с другими кандидатами в наемники был переброшен в Касабланку (Марокко). Там их встречал европеец, говорящий по-французски и по-арабски, и каждому, прямо в аэропорту, была присвоена кличка-псевдоним. Ба Альфа Умару стал с того момента «Диавара Бакари». (Перед отправкой из Дакара в Касабланку ему были выданы фальшивые документы на имя «Тьерно Саль».)

Это было в последние дни декабря 1976 года. Из Касабланки наемников перебросили в военный лагерь вблизи Марракеша. Там собралось 13 гвинейцев и сенегальцев, 11 бенинцев и около семи десятков белых наемников. Два дня им дали отдохнуть, причем спиртным снабжали в неограниченном количестве. На третий—3 января 1977 года — начались усиленные тренировки. Тренировками руководили двое европейцев, один из которых назвал себя «Пезо», другой — «сержант Поран». Старшим над всеми наемниками был «полковник Моран».

Он строго-настрого запретил общение между белыми и черными наемниками. Черным было приказано вопросы не задавать, а белым отвечать, что они жители Антильских островов. «Полковник Моран», судя по всему этому, не надеялся, что его белые «воспитанники» после операции «Креветка» будут держать языки за зубами.

14 января на базе появились два бенинца, которые были представлены наемникам как «лидеры освободительного движения», причем один из них — «президент». Моран объявил европейцам, созвав их отдельно, что им предстоит «работать» именно на этих «лидеров». Черных наемников, в свою очередь, собрал их начальник по лагерю «гвинеец Жозеф», сообщивший им, что на следующий день предстоит участие в операции в Котону.

По словам Ба Альфа Умару, они запротестовали, «но под угрозой применения насилия были вынуждены дать свое согласие». 15 января в 14 часов 45 минут началась погрузка 70—75 белых наемников и трех десятков черных на самолет, который доставил их во Франсвиль (Габон). В час ночи 16 января они вылетели на ДС-7 в направлении Котону... Далее ход событий уже известен читателю. Можно добавить лишь, что наемники были разбиты на четыре группы, носившие названия — «красные», «синие», «черные» и «желтые». Группа, в которой был пленный, оставалась в аэропорту вместе с Мораном, руководил ею европеец по имени Гарнье.

Документы, оказавшиеся в руках республиканских властей, позволили узнать и план операции, которой руководил Моран. Она была разбита на три фазы и довольно строго размечена по времени. На первую фазу—сразу же после приземления ДС-7—отводилось от 30 минут до 60. После приземления наемники должны были разбиться на четыре группы — три «активных» и одна — «резервная», которая должна была охранять самолет и координировать по радио действия «активных» групп.

Все три группы должны были прежде всего атаковать дворец президента Кереку (в захваченных документах он был обозначен буквой «К»), а самого его «атаковать, нейтрализовать и при возможности — уничтожить».

На вторую фазу отводилось от 60 до 90 минут. За это время наемники должны были прочесать западную часть города и «нейтрализовать» руководящих работников Партии народной революции Бенина, ко-

торых им удалось бы обнаружить на квартирах. В ходе этой же фазы операции планировалось захватить почту и телеграф, полицейское управление, радиостанцию.

Третья фаза должна была занять от 120 до 190 минут. Она включала установление полного контроля над Котону, использование захваченной национальной радиостанции для «психологических акций», таких, как, например, объявление чрезвычайного положения, а также для мобилизации местных реакционных элементов. На этой же стадии из аэропорта должны были прибыть в город «бенинские лидеры», до того остававшиеся у самолета под охраной четвертой группы.

По плану наемники должны были приземлиться в Котону в 6 часов утра (произошла задержка с самолетом) и были настолько уверены в своем успехе, что объявление по радио о свержении республиканского правительства планировалось ими уже на 6.30.

В руки бенинских властей попали и документы «полковника Морана», позволившие пролить свет на его личность.

«Полковник Моран», его настоящее имя, как уже говорилось,— Жильбер Буржо, родился 30 января 1929 года во Франции, служил в Марокко, возглавлял личную охрану президента Габона Альбера Бонго, известного своими связями — самыми тесными! — с французской разведкой. Был советником Бонго «по вопросам безопасности».

На подготовку операции «Креветка» выделялось 475 тысяч долларов, при этом в личное распоряжение Морана — 145 тысяч. На второй период операции — «после успеха» — выделялось еще 575 тысяч долларов.

Через несколько недель после провала операции «Креветка» стали известны и другие ее подробности. Радио Конакри, ссылаясь на сведения, полученные с помощью «одного патриота», сообщало:

«Агрессия имела целью восстановить власть прежнего дагомейского президента Д. Зинсу и его сторонников. Подготовка агрессии велась так назы-

ваемой «Организацией свободной Африки» (ОНАЛ), в рядах которой находятся марионетки из Алжира, Гвинеи, Гвинеи-Бисау, Экваториальной Гвинеи, Конго, Сомали, Островов Зеленого Мыса, Анголы, Мозамбика, Танзании и других стран. Финансируют ОНАЛ западные державы. Руководители ОНАЛ имели многочисленные контакты с президентами Сенегала — Сенгором, Берега Слоновой Кости — Уфуэ-Буаньи и Габона — Бонго. Они пытались также привлечь других глав государств, которые, однако, решительно отказались поддержать эту акцию, направленную против мира в Африке.

Некоему африканцу Мишелю Ламбине, журналисту, живущему в Париже на улице Этель Марсель, 37, поручили подобрать кандидатуру из военных для руководства агрессией. Таким человеком оказался полковник Боб Денар (старый знакомый.— *Е. К.*), прошедший выучку в ходе мятежей в Конго и Нигерии («Биафра».— *Е. К.*).

Денар с помощью некоторых посольств в Котону установил необходимые контакты. Первоначально империализм и антиафриканская организация ОНАЛ планировали создать группу наемников, состоявшую в основном из бенинцев. Затем, по соображениям ее большей эффективности, решено было включить в нее наемников из различных африканских стран и европейцев. Для них была установлена «зарплата» в 9500 французских франков. Многие наемники были завербованы в Сенегале. Этим занимались гвинейские предатели майор Диалло Тьерно, некто Ба Си Саване Сайкум, а также печальной славы журналист из «Жен Африк» Сирадиу Диалло (гвинеец), который несколько раз в сопровождении подполковника Жильбера Буржо (как «Моран» он присвоил сам себе звание «полковник»! — *Е. К.*) ездил в Дакар, Абиджан, Париж, Либревиль.

За десять дней до агрессии президент Уфуэ-Буаньи побывал в Европе, где договорился, что 16 января с. г. в часы рейса пассажирского самолета французской компании «Юньон де транспор аэрьен» (ЮТА) в Котону приземлится военный самолет...

Наемники после обучения были переброшены в Габон в район Франсвиля, отряд вторжения на 70 процентов состоял из европейцев. После провала агрессии наемники бежали в БСК...»

Трагедия Заира

Передо мной на столе два досье. На одном надпись «Конго» — в скобках «Заир» — 1960—1967 гг.». На другом — «Заир. Март — апрель 1977 года». Честно говоря, я не хотел открывать первое, мне казалось, что рассказ о наемниках в Конго, как о делах десяти-восемнадцатилетней давности, читателям будет неинтересен. А достал я первую папку лишь для того, чтобы самому освежить в памяти эти самые дела давно минувших дней — освежить в связи с материалами, которые у меня хранятся в папке второй, в той самой, на которой написано «Заир. Март — апрель 1977 года».

И листая материалы первого досье, я вдруг понял, что многим читателям события апреля 1977 года в Заире, в бывшем Бельгийском Конго, будут непонятны, если не рассказать об их связи с событиями многолетней давности.

В апреле 1977 года в заирской провинции Шаба вспыхнуло восстание. Провинция Шаба — бывшая Катанга, обладающая исключительно богатыми залежами полезных ископаемых, поднялась против режима генерала Мобуту.

Но вернемся к делам давно минувших дней, в 1960 год, в Бельгийское Конго, которое тогда еще не называлось Заиром.

«—«Чудовище»... Никогда не прозноси этого слова в присутствии моих парней,— предупредил меня Бракко, один из главарей наемников.— А то они наверняка набьют за это тебе морду. Они вообще не любят журналистов, и если ты им скажешь, что ты один из них, то тебе придется несладко. Дело в том, что это один из твоих коллег приклеил нам эту чертову кличку!»

Так начинается книга Мишеля Онорби «Конец наемников», еще одна из книг, посвященных «солдатам удачи», или «псам войны».

«Это было в конце 1960, в Элизабетвиле,— пишет Мишель Онорби.— Супруга одного европейского консула, сидя на террасе отеля, потягивала коктейль в компании двух репортеров западного телевидения и рассуждала о положении в Катанге. Вдруг перед отелем остановился грузовик и из него выпрыгнули около полутора десятков наемников и их шеф, лейтенант Мази, бельгиец. Они возвращались после жестокого боя с «голубыми касками», солдатами ООН.

— Боже мой! — вырвалось у молодой женщины.— Какие они чудовища!

Косматые, небритые, грязные и отощавшие, они действительно выглядели далеко не красавцами.

Оба журналиста подхватили слово «чудовище», вырвавшееся у дамы. Оно стало потом весьма распространенным. Вся международная пресса начала отныне именовать наемников «чудовищами».

Мишель Онорби, однако, затем рисует этаких чудаков, искателей приключений, согласных называться как угодно, даже наемниками, но отнюдь не «чудовищами»,— это слово они (нежные души!) восприняли как личное оскорбление.

Огромный кольт, бьющий по бедрам, борода, бритый череп, гнев пьяницы, пестрая одежда... Таковыми предстают перед нами герои книги «Конец наемников», книги, вышедшей в свет до нападения наемников на Анголу, Бенин и другие африканские государства, книги, чье название было опровергнуто действиями империалистических разведывательных служб в годы, последовавшие после ее выхода.

Но в дни, о которых идет сейчас речь, история современного наемничества только начиналась. 30 июня 1960 года бельгийский король Бодуэн I был вынужден предоставить независимость Конго, стране, в четыре раза превышающей размерами Францию. Но Патрис Лумумба, патриот, ставший главой

первого законного правительства Конго, по мнению империалистических кругов, представляет угрозу «интересам Запада». ЦРУ и другие разведывательно-диверсионные службы стран НАТО «устраняют» Лумумбу, предварительно «дестабилизировав» его правительство.

Уже на следующий день после провозглашения независимости бельгийский генерал Яссенс пишет мелом на школьной доске, установленной во дворе казармы: «После независимости=до независимости», не признавая тем самым правительства Патриса Лумумбы и призывая против него к бунту. Конголезские солдаты возмущены, и Яссенс вынужден бежать, переодевшись в форму сержанта. В те дни бегут многие бельгийцы — одни на родину, другие, в основном офицеры колониальных войск и полиции, в Катангу, где Моиз Чомбе при поддержке крупнейшей бельгийской монополии «Юньен миньер» начинает готовиться или захватить власть в стране целиком, или отторгнуть Катангу от Конго. Прибывающих бельгийцев он берет с сохранением чинов и званий в собственную жандармерию.

События развиваются все драматичнее. 10 июля, через десять дней после провозглашения независимости, бельгийские парашютисты высаживаются в Конго и захватывают столицу этой страны — Леопольдвиль (ныне Киншаса). На следующий день Чомбе провозглашает отделение Катанги и ее независимость. Попытки сторонников Патриса Лумумбы оказать сопротивление жестоко подавляются жандармерией Чомбе, в которую входит около трехсот бельгийских офицеров. Войска ООН, направленные в Конго, ведут себя так, что способствуют свержению законного правительства Конго, аресту Патриса Лумумбы — в ноябре того же года — и выдаче его Чомбе.

Лумумба и его ближайшие соратники зверски убиты по приказу Чомбе бельгийскими офицерами, служащими в катангской жандармерии. Но Чомбе не слишком надеется на бельгийцев, зная их отношение к конголезцам. По совету «доброжелателей»

он отправляет своих людей в Париж — для вербовки более надежных наемников. По поручению и от имени Чомбе этим начинает заниматься отставной полковник французской армии Тринкье. Он открывает вербовочную контору в Париже на улице Мюрилло, куда приглашает в первую очередь «алжирских ветеранов», участников карательных операций против алжирских патриотов. Первым в числе записавшихся на службу к Чомбе был уже известный читателю «майор Фольк». В том же списке и небезызвестный Боб Денар. Через контору полковника Тринкье, имеющего прекрасные связи и во французской армии, и среди «алжирских ветеранов», проходят сотни «добровольцев», желающих служить у Чомбе.

Наемники вербуются и в других западноевропейских странах. Но давление войск ООН на мятежную Катангу усиливается. В то же время генеральный секретарь ООН Даг Хаммаршельд решает встретиться с Чомбе на территории Родезии и договориться с ним о прекращении сопротивления.

17 сентября 1962 года он вылетает в Ндолу, где должна произойти его встреча с Чомбе, и гибнет в пути — самолет терпит катастрофу в джунглях.

Сегодня считается, что причиной его гибели является бельгийский наемник по имени Гейзельс, переодевшийся в форму солдата ООН и проникший на борт самолета. В пути он пытался заставить экипаж приземлиться в Катанге, чтобы Чомбе смог захватить Дага Хаммаршельда и использовать его в качестве заложника, потребовав от ООН признать «независимость» своего марионеточного государства. В результате схватки на борту самолет потерял управление и разбился.

В декабре 1962 года войска ООН развивают наступление. Им удается занять практически всю территорию Катанги и загнать Чомбе вместе с шестьюдесятью наемниками в шахтерский город Кольвези. Наемниками командует Боб Денар. Они дерутся до последнего патрона, а затем вместе со своим хозяином покидают африканскую землю.

Но на счетах Чомбе в швейцарских банках — немалые суммы, переведенные туда предусмотрительным проходимцем. И вот на эти деньги открываются новые пункты по вербовке наемников — в Париже и Мадриде. Боб Денар занимается вербовкой в кабачке «Черный кот» на парижской площади Пигаль. В Мадриде тем же занимается Майк Хор, еще не прославившийся под кличкой «бешеный Майк».

Армия наемников вербуется «тайно». Во всяком случае разведки стран НАТО делают вид, что не знают об этом,— Чомбе еще не сброшен ими со счетов, ведь в Конго, после вывода войск ООН, прозападный режим трещит по всем швам, сторонники покойного Патриса Лумумбы разворачивают повстанческое движение и добиваются успеха за успехом. Срочно необходим «сильный человек»!

И Чомбе приглашают в Леопольдвиль. Ему организуют торжественную встречу. В аэропорту он заявляет:

— Я всегда на месте!

И обещает в ближайшее время покончить с повстанцами, которые именуются «симба» — «львы». Чомбе привозит с собою собственную «частную» армию, навербованную ему Денаром и Хором. В нее записано около четырех сотен наемников.

На службе Чомбе бельгийский подполковник Пюрен, в чью задачу входит сортировка и «политическая учеба» наемников, из которых он формирует так называемые «коммандо», отряды по национальностям, имеющие порядковые номера. Бывший эсэсовец Мюллер (впоследствии Мюллер-«Конго») прибывает с гитлеровскими наградами и значком нацистской партии на груди. Мюллер заявляет, что приехал «победить коммунизм» и призанять деньжат под свою солдатскую книжку в местных банках. Фон Блотниц — будущий казначей «коммандо № 5» Майка Хора, бухгалтер из Иоганнесбурга, франт, требующий, чтобы его именовали «сеньором». В Конго он добыл себе деньги на покупку фермы в ЮАР, которую приглядел себе еще с юных лет. «Мини Шмидт», или Карл Шмидт, бывший легионер

французского иностранного легиона, известный своими разбойно-воровскими способностями и маленьким ростом — 160 сантиметров. Вес — 50 кг. Психопат. Остальные — все в том же духе.

Наемники зверски расправляются с жителями провинции Киву, охваченной восстанием, грабят, убивают, насилуют, сжигают целые деревни. Восставшие отступают — они плохо обучены, у них — луки и копья против базук и огнеметов наемников. Чомбе торжествует победу, но... В октябре 1965 года его свергает Мобуту. Чомбе в очередной раз отправляется в Европу и в очередной раз готовит себе армию наемников, чтобы в очередной раз вернуться в Конго. Согласно его планам, это должно произойти в июле 1966 года. Его агенты поднимают мятежи в городах Кисангани и Стэнливиле, в них должны принять участие и наемники Боба Денара, все еще находящиеся в Конго. Но они не делают этого, отряды Чомбе разбиты войсками Мобуту. Чомбе заочно приговаривается к смертной казни.

Но Чомбе не опускает рук. Секретные службы стран НАТО все еще держат его «про запас». Ему позволяется открыть вербовочные пункты в Мадриде, Женеве, Париже, Риме, Льеже, Бордо, в Португалии, ЮАР, Родезии. Дело поставлено с размахом. Наемники месяцами живут в специально арендованных для них отелях, и полиция, прекрасно зная, кто они и к чему готовятся, закрывает на все глаза.

На июль 1967 года назначен «День-ИКС». В этот день Чомбе должен нелегально прилететь в Конго. «Коммандо № 10» Жака Шрамма и «коммандо № 6» Боба Денара должны начать мятеж. Им на помощь с территории португальской колонии Анголы должна выступить хорошо вооруженная колонна под командой некоего капитана Гриффина: сто двадцать наемников из ЮАР и четыре сотни бывших катангских жандармов. В резерве — еще две тысячи жандармов под командой тридцати родезийских наемников. Переброской их будут заниматься восемь самолетов.

Но не дремлют и покровители генерала Мобуту.

Чомбе — слишком одиозная фигура в глазах народов Африки, чтобы делать на него теперь какую-либо политическую ставку. Решение принято...

В воскресенье, 2 июля 1967 года, Чомбе вылетает на своем личном самолете из Мадрида в направлении Канарских островов, откуда он должен затем направиться в Конго. На борту самолета — экипаж, два телохранителя, два испанских жандарма и некий Френсис Боденан, наемник-уголовник, подкупленный ЦРУ специально для того, чтобы втереться в доверие к Чомбе и «нейтрализовать» его.

Френсис Боденан отработал выплаченные ему деньги на совесть. В одиночку он сумел обезоружить жандармов и телохранителей Чомбе, заставил экипаж изменить курс и приземлиться в Алжире — в аэропорту Дар-эль-Бейда.

Так сорвалась первая фаза плана «Кирилис», а сам Чомбе оказался в алжирской тюрьме, где в конце концов и умер.

Френсис Боденан впоследствии рассказывал, как его подряжали на похищение Чомбе американские и заирские высокопоставленные дипломаты, как агенты ЦРУ ханжески убеждали его послужить интересам «заирского народа» и «предотвратить кровопролитие».

«Пробуждение совести» у ЦРУ, этого беспощадного аппарата насилия, объяснялось просто. Чомбе был уже не нужен. Чомбе уже мешал планам империализма в Африке.

Разведывательные службы НАТО сделали все, чтобы и наемники не сорвались с цепи вопреки их воле. Напрасно главари наемников, все эти самозванные «полковники», обсуждали в своем штабе в Мадриде планы операции «Кирилис»: выступление, несмотря на то что Чомбе в алжирской тюрьме,— 5 июля. Первая колонна захватывает сначала Тизвиль, затем Леопольдвиль... Вторжение из Анголы... Десант из Родезии...

Ничего этого 5 июля не происходит. Об операции «Кирилис» Мобуту был предупрежден заранее. Уже

1 июля, за день до ареста Чомбе, Жак Шрамм, возглавлявший «коммандо № 10», и Боб Денар, главарь «коммандо № 6», знают, что Мобуту принял тайное решение разоружить их банды.

— Я не допущу этого! — орет Шрамм.— Я начинал военные действия!

Денар более хитер. Он предлагает как-нибудь выиграть время, надеясь все-таки получить ожидаемые подкрепления. Кроме того, по его мнению, не следует выступать первыми. Пусть, мол, начнет Мобуту — тогда наши действия будут оправданы, как самозащита.

2 июля к Шрамму прибывает из Родезии самолет, на борту которого десяток наемников во главе с «полковником» Пюреном и 4 тонны боеприпасов. Пюрен обещает, что это только лишь начало, так сказать, открытие воздушного моста. А солдаты Мобуту спешно готовятся к выступлению, чтобы разоружить наемников Шрамма и Денара.

Главари наемников решают предупредить их — и 5 июля начинают мятеж. Восемь дней продолжаются бои в Кисангани. Боб Денар ранен, его головорезы присоединяются к головорезам Шрамма, у того теперь в общей сложности 180 наемников и 800 катангских жандармов. По плану «Кирилис» город Кисангани должен был быть захвачен за два часа. Денар потом утверждал, что у него было впечатление, что кто-то заманивал наемников в ловушку — солдаты Мобуту были подготовлены и ждали нападения: в Кисангани они сосредоточились в количестве двух батальонов!

Часть наемников, не выдержав многодневных ожесточенных боев, захватила в Кисангани американский самолет С-130 и бежала на нем из Заира. Среди оставшихся — споры и разногласия. Наконец, они принимают решение отступать в направлении Букаву и захватить этот город, именовавшийся в туристических справочниках «жемчужиной Центральной Африки». Этот центр провинции Букаву, по утверждению все тех же справочников, «напоминает Голливуд». Город—на берегу красивейшего озера.

В нем много зелени, парки, сады. Много магазинов и складов, набитых продовольствием и всякого рода товарами. В нем мощная радиостанция, а главное — четыре банка с полными сейфами!

Шрамм решает захватить город, дождаться в нем подкреплений и организовать новое наступление, благо в Букаву есть и большие запасы боеприпасов и оружия. Два дня наемники штурмуют город и в конце концов выбивают из него мобутовских солдат. В Букаву начинается кровавая вакханалия. Наемники грабят и убивают без разбора.

Проходят июль, август, сентябрь, октябрь... Мобуту подтягивает силы, но не дремлют и наемники. Боб Денар завершает залечивание своих ран в Солсбери и готовится вернуться в Заир. В Льеже сформирован отряд из 300 бельгийских наемников, готовых к отправке в Букаву. Радиостанция города используется иностранными журналистами для сообщений из Букаву — Шрамму нужно паблисити!

Вот как описывает Мишель Онорби последние дни наемников в Букаву:

«Каждый размещается в вилле, которую сам себе выбрал, и устраивается в ней со всеми удобствами. Я и мои товарищи разместились у «Мини-Шмидта», на вилле у самого озера, принадлежащей богатому израильскому коммерсанту.

Группы (наемников и катангских жандармов.— *Е. К.*) расположились на высотах вокруг города. Их малочисленный состав не позволяет создать линию сплошной обороны, ведь они разбросаны по фронту в 27 километров. Имеется первая линия обороны, но нет второй и третьей.

Шрамм отдыхает в своем «сапоге» (так называют занятую им виллу у озера благодаря ее форме), ожидая завтрашнего наступления национальной конголезской армии, о которой конголезский штаб объявил по радио.

30 октября. Вот уже четыре часа, как нац. конг. армия ведет наступление на южном фронте. Интенсивная артподготовка заставила Лёлё (лейтенант,

командир группы на восточном фронте) отсиживаться в траншеях.

Во дворе колледжа Шрамм считает людей, вернувшихся после боя. Люди, грязные, вымокшие, трясутся от холода. Наступает ночь. Сегодня были сданы две позиции. Шрамм беспокоится, где же обещанные подкрепления? Где обещанный еще несколько недель назад гидросамолет?

Ночь проводим в бесконечных спорах у камина. В траншеях спят. В своей столовой «Мини-Шмидт» подделывает для себя паспорта. Их у него четыре. Бельгийский, украденный в консульстве; немецкий — единственный подлинный, но годный на въезд лишь в ФРГ; французский, обнаруженный в одном брошенном доме еще в Кисангани, и конголезский, взятый в каком-то конголезском административном здании. Все они новенькие и заполнены на имя Карла Шмидта, рожденного в разных местах и в разные годы.

Наступило 31 октября. Ничего не происходит. Ни одного выстрела по всему фронту. Любопытно и непонятно.

С юга движется колонна Денара, но численный состав ее далеко не тот, которого ожидает Шрамм. Французский полковник пересекает границу со 150 наемниками, из которых 90 — белые. У них нет ни одной автомашины. По пути на железной дороге Ангола — Конго — Замбия захвачена дрезина. Но на ней далеко не уедешь. Оружие, обещанное португальцами, из Анголы не получено.

В Букаву еще два дня проходят в полном спокойствии. Начинают распространяться различного рода слухи: южная колонна, мол, захватила Элизабетвиль (Кольвези)... Де Голль обещал свою помощь наемникам... Южная Африка готовится объявить войну Конго...

Перехвачена радиограмма конголезского штаба: ...генеральное наступление 4 ноября... на южном фронте — артиллерия и бронетранспортеры... на северном фронте — атака после минометного обстрела...

В Букаву эта новость не удивляет никого. Все к ней готовы. Чемоданы с самым необходимым собраны для отъезда, для быстрого отступления. Запасные боеприпасы сложены в запасных траншеях.

Атака началась в 3 часа утра. Шквал огня по всему фронту. 75-миллиметровых безоткатных орудий так много, что создается впечатление огненного дождя. Огневые молнии полосами освещают долины, отражаются на склонах и внезапно угасают.

В Букаву те, кто еще спал в виллах, собираются на командном пункте у Шрамма, который ждет их и отдает необходимые распоряжения.

В 4.30 за холмами забрезжило. Рассветает. Огневая подготовка продолжается два с половиной часа, 150 минут взрывов, свиста снарядов, смертельного огня. Разрывы фосфорных снарядов освещают поле боя, как ракеты.

Наступление начинается одновременно со всех сторон. Вокруг кромешный ад. На одной из позиций незаметно подкравшийся батальон конголезских парашютистов открывает огонь по защитникам траншей почти в упор. Парашютисты окружили холм и с расстояния почти 50 метров бьют из безоткатных орудий по вилле на его вершине... Вилла обрушивается.

В штабе паника. Снарядов для орудий уже нет, мин для минометов осталось мало. Шрамм дает команду прекратить огонь и начать отступление».

Заканчивает Мишель Онорби словами:

«В Букаву, на берегу озера, могилы убитых наемников отмечают конец их конголезской авантюры, а колючая проволока, окружающая лагерь для интернированных в Бухсунже (Руанда),— конец наемников».

Возможно, таково было искреннее убеждение Мишеля Онорби, но те, кому служат «псы войны», думали иначе. Расправились лишь с теми, кто осмелился «сорваться с цепи», ослушаться своих хозяев. Наемники и потом не раз использовались в деле — в «Биафре», в Анголе, в Бенине и... опять в Конго,

называемом теперь Республика Заир, где в апреле 1977 года размах восстания в провинции Шаба поставил под угрозу существование режима генерала Мобуту. Даже в буржуазной печати, далеко не симпатизировавшей повстанцам, один за другим стали появляться материалы, рассказывающие о том, насколько прогнил этот режим, и рассуждения о возможности «изменений» в Заире.

ЦРУ, еще совсем недавно оскандалившееся в Анголе, решило действовать на этот раз более тонко, спасая режим Мобуту, в который американцы вложили немалые деньги. От прямой военной поддержки Киншасы Вашингтон отказался, официально выделив Мобуту лишь многомиллионную «невоенную» помощь.

Но в то же время в английских газетах появились сообщения, что в Лондоне квартиры бывших наемников Кеннета Айткена и Виктора Керри, которым удалось унести ноги из Анголы, превращены в центры вербовки «солдат удачи», желающих участвовать в войне против повстанцев Шабы. Сообщалось, что средства поступают от ЦРУ и за несколько дней предполагается сформировать отряд из сотни наемников для переброски в Шабу. В США тем же делом занимался уже упоминавшийся на страницах этой книги Дэвид Бафкин, который, по сообщению американской газеты «Ньюсдей», поддерживал теснейший контакт с ЦРУ. Газета ссылалась при этом на информацию, полученную ею от «сотрудников разведывательных служб».

И опять разразился скандал! ЦРУ объявило болтливого Дэвида Бафкина «сумасшедшим» и самым категорическим образом стало от него открещиваться. Заирское правительство также поспешно стало утверждать, что оно не ведет вербовки ни английских, ни американских наемников. Послу Заира в Вашингтоне даже было приказано заявить протест госдепартаменту США против «деятельности Бафкина».

Но война против повстанцев Шабы велась уже другими руками. Газета «Нью-Йорк таймс» опубли-

ковала в те дни статью под заголовком «ЦРУ отрицает, что оно помогает вербовке наемников для войны в Заире», отрывки из которой я хочу привести. Итак:

«—Мы нигде не вербуем наемников ни для каких войн,— сказал Герберт Хиту, помощник директора Центрального разведывательного управления адмирала Стэнсфилда Тэрнера по связи с общественностью.— И мы не помогаем никому в подобной вербовке.

Хиту сделал это заявление в ответ на сообщение лонгайлендской газеты «Ньюсдей» о том, что ЦРУ тайно поддерживает кампанию по вербовке в Великобритании и в Соединенных Штатах нескольких сотен наемников для помощи заирской армии...

...Дипломаты в Вашингтоне говорят, что, как они слышали, президент Мобуту несколько недель назад дал понять, что Заиру, возможно, придется вербовать наемников... С тех пор, однако, на призыв президента Мобуту ответило Марокко, направившее в Заир 1500 солдат, которые были туда доставлены на французских самолетах.

Дипломаты отмечают, что направление марокканских регулярных войск, присутствие в районе боевых действий в качестве советников французских офицеров, материальная помощь Бельгии и помощь, оказываемая Соединенными Штатами и обещанная, кроме того, Египтом и Китаем, возможно, заставили президента Мобуту отказаться от любых прежних мыслей о вербовке наемников».

Правда, одна из заирских организаций, борющихся против режима Мобуту, а именно «Фронт национального освобождения Конго» (ФНОК), сообщила о прибытии в Заир наемников во главе с пресловутым Бобом Денаром. Но на этот раз «псов войны» было решено во избежание скандала с цепи не спускать.

Как подметила несколько недель спустя танзанийская газета «Мфанья кази», события в Заире и Анголе показали неэффективность использования подразделений наемников против африканцев, которые приобрели опыт борьбы с ними. Поэтому

ЦРУ разрабатывает планы создания постоянной наемной армии для нанесения ударов по освободительным движениям и прогрессивным режимам развивающихся стран. Для переброски и вооружения ее предполагается использовать военные базы НАТО.

А тем временем появились новые доказательства того, кто подлинный хозяин «псов войны», разбойничавших в Анголе и подготовленных было для «операции» в Заире.

Некий Джо Стокуэлл, 14 лет проработавший в ЦРУ и награжденный за «исключительную службу» в Анголе в течение семнадцати месяцев, начиная с июля 1975 года, подал в отставку и обратился к своему бывшему начальству с открытым письмом. Из этого письма общественность узнала, что Стокуэлл возглавлял подготовку вторжения в Анголу с территории Заира и участвовал в вербовке наемников.

«Теперь,— писал он,— ЦРУ вербует для Заира тех же самых французских наемников, которых оно направляло в Анголу в начале 1976 года. Это те люди, которые получили от ЦРУ деньги и сбежали сразу же, как только очутились под массированным артиллерийским огнем».

Именно в те дни в Заире появилось большое количество французских военных советников, в задачу которых входило превратить разбежавшихся мобутовских солдат в нечто боеспособное. Заявление Стокуэлла может пролить свет на источник, из которого, возможно, финансировались их усилия.

В мае 1978 года Джон Стокуэлл выступил в США по телевидению в связи с выходом в свет его книги «В поисках врага», разоблачающей подноготную ЦРУ, в том числе — целый ряд операций в Африке. Что же касается агрессии против Анголы, то Стокуэлл сообщил американским телезрителям, что ЦРУ трижды пыталось навербовать наемников для участия в этом преступлении против ангольского народа. Сначала готовилась «французская» группа, потом «португальская» и, наконец, «англо-американ-

ская». Но каждый раз, рассказывал Джон Стокуэлл, деньги оказывались выброшенными на ветер. Одни просто разбегались, другие оказывались психопатами-убийцами, третьи — просто ни на что не способными в военном деле.

— Одна наша программа называлась «французские колпаки»,— рассказывал Стокуэлл.— Нам обошлась в полмиллиона долларов отправка 20 французских наемников в качестве «советников». Они подписали контракты на пять месяцев, но через месяц сбежали. Обратно наши деньги мы, разумеется, не получили.

«Португальская программа» обошлась ЦРУ дешевле — всего в 350 тысяч долларов, но и она провалилась. Третья «программа», англо-американцы, собрала, по словам Стокуэлла, «убийц-психопатов, просто помешанных и, наконец, ни на что не способных». Однако после поражения своих планов в Анголе ЦРУ разослало 140 писем с благодарностью за оказанные ему «услуги», а 20 человек представило к награде.

Сразу после Стокуэлла американское телевидение передало интервью (на ту же тему) бывшего шефа ЦРУ У. Колби, который признал:

— Да, мы готовили наших людей, да, мы давали советы...

Но не успели еще улечься страсти после разоблачений Стокуэлла и признаний Колби, как в Заире начались события, показавшие, что империализм отнюдь не отказался от своих планов в Африке. В мае — июне 1978 года провинция Шаба вновь оказалась почти целиком во власти повстанцев. Размах восстания принял такую форму и успехи повстанцев были таковы, что империалистическим державам стало ясно: с помощью наемников режим Мобуту спасти не удастся. И хотя были предприняты лихорадочные попытки набрать «синих гусей» в Англии, Франции, Бельгии и США, стратеги НАТО решили «не рисковать» и бросить против повстанцев бельгийских парашютистов и солдат французского иностранного легиона. Предлог для интервенции?

Разумеется, «защита иностранных подданных — излюбленный предлог «дипломатии канонерок».

Шаба была залита кровью. Империалисты показали, что они готовы к коллективной агрессии и интервенции в районах «третьего мира» с применением всего военного и политического механизма НАТО. Это, можно сказать, была демонстрация «большой дубинки». Но от «малой дубинки» — от наемников — они не отказались.

Последняя ставка?

«...— Номер 3 — Желудю. Мы видим «террористов», уходящих от нас, на расстоянии 300 ярдов...

Офицер бросился к радио, которое разбудило нас на рассвете:

— Желудь на связи! — прорычал он.— Мы вас слышим. Боевая группа выступает. Держите с нами связь!

Он нажал кнопку, и над рядами палаток взревела сирена. Парашютисты выскакивали из душевых и уборных, натягивали пятнистую униформу и, схватив автоматические винтовки, мчались к вертолетам. Через несколько минут они были уже в воздухе, и полковник — в майке и хлопчатобумажных шортах, склонившись в штабной палатке над картой, руководил ими по радио...»

Так начал свой репортаж из Родезии корреспондент журнала «Ньюсуик» Питер Янгхасбенд, один из многих репортажей, появившихся в западной прессе и написанных американскими, английскими, французскими, западногерманскими и итальянскими журналистами.

Янгхасбенд подробно и со смаком описывал, как десятки родезийских парашютистов окружали «террористов» — группу бойцов национально-патриотических сил Зимбабве, борющихся за освобождение своей страны от расистского режима Яна Смита и его чернокожих марионеток.

Парашютистов доставили вертолеты. С ними были собаки-ищейки. Янгхасбенд слышал по радио их яростный лай — они шли по следу партизан. Потом с одного из вертолетов передали — один из партизан замечен и сейчас будет убит.

— Желудь спрашивает главный вертолет. Вы попали в него? — не выдержал полковник.

— Нет, он ушел,— последовал неловкий ответ.

Потом поступили сообщения, что один партизан убит, а другой ранен и захвачен. Потом — убито — еще два. «Охота», как назвал все это корреспондент «Ньюсуика», продолжалась и на второй день, но два партизана все же ушли от карателей.

— Неплохо,— подвел итог полковник.— Четыре из шести...

Но беда в том, уныло признает Янгхасбенд, что «счет 4:6» не ведет к выигрышу в войне против партизан на территории, в два раза превышающей территорию Южного Вьетнама и такой же удобной для партизанских действий.

А вот образец вариаций на ту же тему из западногерманской прессы, в данном случае из журнала «Шпигель»:

«Приказ о выступлении пришел в воскресенье. «Люди идут в церковь, а мы будем убивать «террористов»,— сказал сержант. Пока мы разбирали оружие и спешили к вертолетам, нам объяснили боевое задание.

Все шло в соответствии с принятой системой: «Селус скаутс» выследили группу «террористов» и по радио информировали нашу базу. Теперь нам предстояло выполнить черную работу — уничтожить противника.

Пять вертолетов (четыре оснащены пулеметами, пятый — 22-миллиметровой пушкой) стояли уже наготове; в каждом из них заняли места по три солдата и по одному унтер-офицеру. В пятом находился майор, который с воздуха управлял боем и своей пушкой расстреливал преследуемых. Операция напоминала охоту с облавой. Вертолеты высадили нас. Мы окружили обнаруженную группу и, рассыпав-

шись в цепь, начали прочесывать местность. Затем прилетел вертолет, который начал палить из своей пушки. Нам оставалось лишь довершить дело.

Во время этой операции, в воскресенье, мы взяли шесть пленных. По-видимому, это были носильщики, так как при них не было оружия. Обычно мы пленных почти не брали. Я не могу сказать почему. Но всех, кто сотрудничал с «террористами», позднее так или иначе вешали по приговору суда. Поэтому не имеет значения, будет ли он расстрелян на месте или осужден позднее в Солсбери».

Корреспондент «Шпигеля» записал этот рассказ со слов западногерманского наемника, бывшего унтер-офицера бундесвера, служившего ныне в армии Яна Смита. Имя этого наемника не названо — то ли сам он не пожелал известности, то ли этого не пожелали хозяева «Шпигеля».

А вот пример из английской прессы, из считающейся солидной и респектабельной «Таймс».

«Солдаты с голыми ногами вселяют ужас в родезийских партизан!» — так эта газета озаглавила репортаж своего корреспондента из Родезии, снабдив его подзаголовком — «Удачный день для ударного батальона, воюющего в буше».

Удача же, по мнению этого бравого репортера, состояла в том, что в ходе широкой операции с применением авиации, вертолетов, артиллерии, десантников, кавалерии и пехоты было убито... 11 партизан!

«Таймс» рассказывает своим читателям, как все эти силы атаковали лагерь партизан, расположение которого было сообщено им накануне разведкой, но лагерь оказался... давно покинутым. Как затем была обнаружена другая партизанская стоянка, на которой находилось восемнадцать «террористов», как во много раз превосходящими силами каратели попытались окружить партизан и уничтожить их.

Бой продолжался весь день, и партизанские пулеметы смолкли лишь с наступлением темноты. Однако каратели не решились продолжать наступление. Утром они обнаружили в партизанском лагере

лишь тела убитых. Раненых партизаны унесли с собою.

В бою участвовал так называемый «европейский батальон легкой пехоты» — наемники, которых местные жители прозвали «голоногими» потому, что они носят шорты.

— Я увидел какое-то движение в чаще кустов,— рассказывал кореспонденту «Таймс» бывший английский капрал, стоя над телом убитого партизана.— Он собирался разрядить в меня свой «АК», но я опередил его.

Итак, наемники воевали на стороне Яна Смита и его чернокожих марионеток в Родезии. Сегодня уже никто на Западе, как это было еще несколько лет назад, не пытается отрицать это. А ведь именно тогда, когда только что последние наемники бежали из «Биафры», уже было известно, что Ян Смит вербует себе «белых добровольцев» для «защиты демократии» в Родезии.

В начале 1971 года один английский журналист, летевший из ЮАР в Родезию, разговорился со своим попутчиком, молодым бравым англичанином. Разговор этот принял для журналиста неожиданно интересный с точки зрения его профессии поворот.

— Целых 18 месяцев я не видел ни одной женщины,—повествовал ему этот случайный попутчик.— Я провел 5 лет в султанате Оман в составе британской миссии. Теперь я поступаю на родезийскую службу. В армию Родезии. В качестве наемника. Они вербуют вовсю.

Уже в те дни было известно, что в родезийской армии служили почти две с половиной сотни англичан—бывших солдат и офицеров английской армии и вербовка их действительно продолжалась «вовсю». Штаб-квартирой вербовщиков был город Олдершот, расположенный к юго-западу от Лондона, известный в Англии как один из крупнейших гарнизонных центров. Поблизости—училище для офицеров в Сандхерсте, не так далеко и до военной академии в Кемберли.

Выходящая в Олдершоте газета «Олдершот ньюс» то и дело публиковала письма бывших английских военнослужащих, завербовавшихся в родезийскую армию и расхваливающих свою жизнь.

Например, сержант Том Клайден, завербовавшийся еще в 1968 году, писал, что ему в Родезии нравится «солнце, хорошая плата и отличные условия». Лейтенант Дэвид Дрейк, отправившийся в Родезию прямо из Олдершота, заявлял: «Я нахожусь в прекрасной форме и чувствую себя здесь совсем как среди англичан!»

Хочу напомнить, что в те годы сопротивление расистскому режиму в Родезии еще не набрало силы, и по сравнению с Конго, «Биафрой» и Гвинеей для наемников там была не «работа», а «отдых».

«Олдершот ньюс» почти из номера в номер публиковала откровенные призывы, сулившие тройной оклад английским солдатам, в первую очередь парашютистам, которые согласятся отправиться в Родезию.

Вербовка не встречала никаких препятствий со стороны английских властей. Когда же юристы вдруг задумались: а не совершает ли англичанин, завербовавшись в иностранную армию, государственную измену, что влечет за собой на основании закона от 1351 года смертную казнь через повешение или обезглавливание, МИД Англии поспешил успокоить законников: мол, это всего лишь эмиграция, а эмиграция — совсем другое дело.

В те же дни Ян Смит сделал заявление редакции «Олдершот ньюс», в котором наобещал, что «людей из Олдершота, Кемберли, Фарнборо и окрестных городов ждет в его стране огромное будущее».

С тех пор прошло несколько лет, английских наемников судили и расстреляли в Луанде, в английском парламенте отшумели дебаты и тихо почила в бозе парламентская комиссия, изучавшая вопрос о «законности» вербовки наемников в Англии, а вербовка эта продолжается и по сей день.

В июле 1976 года Би-Би-Си посвятила одну из своих еженедельных телевизионных программ «Панорама» этому «наболевшему» для англичан вопросу. Правда, рассказ шел не только о вербовщиках, действующих в Англии, но и в США, и в Западной Европе. При этом утверждалось, что действуют они тайно, «снабжая белыми новобранцами небольшую и находящуюся в затруднительном положении армию Родезии».

Би-Би-Си даже предоставила слово некоему английскому вербовщику, который сообщил, что он лично завербовал 90 англичан для отправки в Родезию. Выступавший вместе с ним бывший наемник Том Маккарти, англичанин, служивший в родезийской армии, заявил, что в его взводе вместе с ним обучались южноафриканцы, австралийцы, граждане ФРГ, итальянцы и англичане.

В «Панораме» было сообщено, что лишь в последние месяцы на службу к Яну Смиту завербовалось 80 американцев — участников войны во Вьетнаме и 70 граждан ФРГ. Последних завербовал некий капитан Эдвард Тилен (ФРГ), переселившийся затем в Родезию и ставший помощником майора Ника Лампрехта, одного из родезийских чинов, самым активнейшим образом принимающего участие в вербовке «иностранных добровольцев».

В письме к одному из французских наемников Ник Лампрехт писал: «То, что в прошлом для вас представляло трудности, нас абсолютно не тревожит. Главное, чтобы вы верно сражались за нашу белую расу и после трех лет службы вели бы себя как добропорядочный родезиец».

Таковы требования, предъявляемые родезийскими расистами наемникам.

А ровно через год после передачи Би-Би-Си «трибуну для выступления» получили американские наемники Роберт Е. Ли, 32 года, и Тим Кармоди, 29 лет. Об их встрече и беседе с Яном Смитом, объезжавшим свои войска в зоне боевых действий против партизан, рассказал корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс, ссылаясь в свою очередь на выхо-

дящую в Солсбери газету «Родезия геральд».

— Я поступил на службу в родезийскую армию, движимый любовью к приключениям, а также по той причине, что поддерживаю принцип, который отстаивают в этом конфликте. В США, как мне известно, есть много людей, которые приехали бы сюда, если бы знали, как это сделать...

В том, что «многие в США не знают, как это сделать», ему противоречит Тим Кармоди, который решил отправиться в Родезию после того, как посмотрел выступление Яна Смита по американскому телевидению.

Трудно поверить и в то, что Ли, Кармоди и сотни других американских наемников, служащих Яну Смиту, очутились в Родезии без участия упоминавшегося уже вербовщика Роберта Брауна и его «Феникс ассошиэйтс», без объявлений в газетах «Шутинг таймс», «Оверсиз уикли» (выходит специально для американских солдат и офицеров, служащих в Европе), в журналах «Солдаты удачи», «Ганс мэгэзин», «Спорт эфилд» и других.

В «Шотган ньюс», например, печатается следующее объявление: «Бывшая колония в Африке с населением, говорящим на английском языке, приглашает здоровых боевых парней служить по контракту в ее отборных войсках. Вышлем подробные сведения по получении 5 долларов». И далее адрес: «Энабис лимитед», почтовый ящик 451, Хайлендс, Техас 77562».

Из ставших сравнительно недавно известными организаций, занимавшихся вербовкой в США наемников для Яна Смита, можно упомянуть «Эль Камас Энтрпрайсиз» (Калифорния), «Милитари эдвайсори комманд интернешнл-ЛАДКО интернешнл» (МАЛИСИ)—штат Пенсильвания, и, конечно, же, организация «Ветераны Вьетнама». Один из самых активных вербовщиков Яна Смита в США — некий Фрэнк Эббот Суини, прослуживший три года капралом в родезийской армии и по истечении контракта занявшийся этой более прибыльной и менее опасной для здоровья «работой».

Свои объявления, публикуемые в американской прессе, он составляет так:

«Родезийская армия предлагает вам увлекательные приключения. Я знаю. Я был там. Могу сообщить бесплатно молодым американцам европейского происхождения подробные сведения о вербовке. Фрэнк Эббот Суини, 72, Крестон-авеню. Тинафлай, Нью-Джерси, 07670».

У родезийских вербовщиков «добровольцы» из разных стран ценятся по-разному. Англичанам, например, отдается предпочтение перед американцами потому, что они «легче приспосабливаются к окружающей среде», как заявил один высокопоставленный представитель армии Яна Смита. Американцам же, по его словам, нужно больше времени, чтобы приспособиться, и «некоторые из них говорят, что во Вьетнаме некоторые вещи делались по-другому». Однако «ветераны Вьетнама» у расистов, безусловно, в цене.

И снова «чудовища»

Кто же они, последыши Майка Хора, Рольфа Штайнера, Боба Денара, Мюллера-«Конго», вновь воскресившие мрачную славу «чудовищ», заливавших кровью Бельгийское Конго?

Представитель расистской армии Яна Смита так говорил об этих «добровольцах»:

— Они либо симпатизируют нашему делу, любят приключения и хотят стать настоящими солдатами, либо разочаровались положением в собственных странах. У нас много американцев, которых сильно расстроила (!) неудача во Вьетнаме и которые, вернувшись домой, нашли там загнивающее общество и нехватку рабочих мест. Они считают, что Вьетнам был отдан, и поэтому они хотят приехать сюда, чтобы участвовать в настоящем военном деле и доказать, что они чего-то в нем стоят.

Этот расист не случайно вспомнил о Вьетнаме. Я не читал в западной прессе ни одного материала, в котором бы не проводились параллели между событиями во Вьетнаме и Родезии. И это понятно. И вьетнамский народ, и народ Зимбабве поднялись на защиту своей свободы и независимости. И во Вьетнаме, и в Родезии национально-освободительным движениям противостояли и противостоят империалистические силы — во Вьетнаме это было в форме прямой агрессии, в Родезии — в форме замаскированной.

Кстати, те же западные буржуазные газеты и журналы, материалы из которых я уже приводил в качестве примеров, абсолютно в такой же форме, как позже из Родезии, давали репортажи из Вьетнама. Они описывали те же «погони» и «облавы» на патриотов, которых так же, как и сегодня в Родезии, именовали «террористами» или «террами». Они писали о тех же «полковниках в майках» и «следопытах», этаких бравых парнях и ярых антикоммунистах — защитниках «западной демократии». Так же снисходительно-покровительственно они сообщали о тех вьетнамцах, которые предали свой народ и стали на сторону его лютого врага, как сейчас пишут о чернокожих, состоящих на службе у расистов Яна Смита.

Но, несмотря на отчаянные попытки буржуазной пропаганды романтизировать грязное дело, творимое «псами войны» в Родезии, концы, как говорится, вылезают наружу.

Так, выходящий в Лондоне журнал «Африка» поведал, например, миру историю некоего лейтенанта О'Нила, занимавшегося вербовкой наемников для Яна Смита в Париже. Беседу с ним опубликовал и итальянский журнал «Джорни» — за несколько месяцев до того, как О'Нил стал вербовщиком: с корреспондентом «Джорни» он беседовал еще будучи наемником. «Джорни» назвал О'Нила «паладином Запада», и этот тип постарался предстать перед читателями именно в облике «благородного рыцаря-крестоносца».

Отвечая на вопрос корреспондента «Джорни» о причинах, заставивших его стать наемником, О'Нил откровенно позерствовал:

— В Родезии я нашел то, что искал: атмосфера «дикого Запада», никаких забастовок, хиппи, наркотиков, конфликтов между поколениями, порнографии, преступности, стиля «унисекс»... Конечно, за это приходится дорого платить: здесь много работы, часто приходится стрелять, кругом опасности. Но меня это не пугает... среди нас нет места слюнтяям. В Родезии мы все на фронте — мужчины и женщины, старики и молодежь...

Впервые я попал в обстановку, которая почти полностью отвечает моим требованиям. И я никому не позволю выбросить меня отсюда. С военной точки зрения негры ничего не стоят. (Так же говорили и американские «паладины» во Вьетнаме! — *Е. К.*) Своими победами они обязаны исключительно этим болтунам из ООН.

— Как француза... вас не оскорбляет апартеид? — был задан ему следующий вопрос.

— Апартеид? — искренне удивился О'Нил.— Да вы шутите... Впервые в жизни я нашел систему, в которой иерархия стала необходимым условием повседневной жизни. Я — не расист, хотя и горжусь своей расой. Сейчас везде говорят о развивающихся странах. Все это дерьмо. Я утверждаю, что негры просто-напросто недоразвиты, и вовсе не нужно сидеть в стране 20 лет, чтобы убедиться в этом...

Война, которую мы ведем в Родезии, намного важнее войны западного мира против коммунизма. Ведь мы сражаемся за выживаемость нашей белой расы. Известно ли тебе (обращение к журналисту.— *Е. К.*), что большинство мировых запасов хрома находится в Родезии, а без хрома вся западная индустрия вооружений обречена? Правда, об этом предпочитают помалкивать.

Поверь мне, именно в Родезии и Южной Африке (имеется в виду ЮАР.— *Е. К.*) решаются судьба и будущее нашей белой расы. Если бы все белые пар-

ни, у которых осталось еще хоть немного мужества, присоединились к нам, проблема Родезии и ЮАР была бы решена в три месяца... и за счет черномазых.

После таких высказываний не удивительно, что О'Нил получил повышение — из карателей (а уж сам-то он знает, сколько «псов войны» нашло позорную гибель в Родезии!) в вербовщики, из родезийской саванны—в парижский ресторан «Сен-Северин» (Латинский квартал). Именно там он открыл свою вербовочную «контору», расписывая собутыльникам прелести жизни наемника, похваляясь своими «приключениями» в Конго, «Биафре», Судане, Анголе, Родезии.

Да, соглашался он, триста-четыреста долларов, которые он обещает от имени своих родезийских хозяев в качестве ежемесячной платы наемникам,— маловато. Еще в 1975 году в Анголе им платили по 1500—2000. (Сами же вербовщики Яна Смита получали десять тысяч долларов «комиссионных» за каждую завербованную ими «душу!) Но есть возможность дополнительных заработков...

Это «премиальные» за участие в боевых действиях — тысяча долларов. Плюс — торговля. Сам он привез в Родезию 40 старых «кольтов» образца 1911 года, уплатив за них 120 долларов и продав за 700. Можно ввозить автомашины, радиотехнику... Власти на это смотрят сквозь пальцы...

Словом, идеи идеями, а денежки денежками. Сторговавшись, «добровольцы» отправляются в Родезию. В Солсбери они являются на Гордон-стрит, где под едва заметной маленькой вывеской действует уже известный нам Ник Лампрехт. Он радушно принимает вновь прибывших и тут же оплачивает их транспортные расходы. После беседы «рекруты» направляются в госпиталь Флеминга для медицинского осмотра. Из госпиталя они с соответствующим заключением возвращаются на Гордон-стрит, где подписывают контракт на 3, 6 или 9 лет. Подписав, кладут руку на библию и произносят слова присяги,

заключая ее словами «...и да поможет мне бог!».

Корреспондент парижской газеты «Фран-суар» решил, как говорится, на собственной шкуре познать судьбу наемника в Родезии и отправился в Солсбери. Как бывший военный, он был принят с радостью и направлен на переподготовку в казармы городка Кренборн. В результате во «Франс-суар» появились красочные описания целого ряда «паладинов Запада».

Например, южноафриканец Маккензи, приехавший в Родезию из ненависти к «кафирам», как расисты ЮАР презрительно называют африканцев. Голландец Гуиберт говорил, что завербовался потому, что «немного свихнулся». Джон Х., ирландец из Белфаста, приехал «слегка развеяться». Англичане Хьюз и Дейв прибыли из тех же краев, из Северной Ирландии, где упражнялись в «подавлении ирландцев».

Но кто сразу проявил себя в качестве «прирожденного верховода», писал все тот же корреспондент «Франс-суар», так это Мак-Эллизи, маленького роста 35-летний шотландец, по прозвищу Мак. Участие в войнах в Малайзии, на Кипре и в Анголе явно «сделало» ему репутацию.

«Ветеран» Мак замещал инструктора, капрала Фланелли (итальянец), когда тот куда-нибудь отбывал из казармы. К журналисту, не зная его подлинной профессии, Мак испытывал симпатию, как к профессиональному (в прошлом) военному. Однажды он разоткровенничался:

— На заработок мне наплевать. Мне нравится активно жить и убивать «комми» (коммунистов).

Журналист рассказал и о пятерке «профессионалов из хороших семей», служащих в отрядах «серых скаутов» и «голоногих кавалеристов», которые особенно широко используются в сезон дождей, когда дороги становятся непроходимыми от грязи.

Один из них — некий Жан Люк, родом из Лиона, учился в привилегированном высшем французском военном училище Сен-Сир, был членом

молодежной фашистской организации «Новый порядок». Он прибыл в Солсбери в качестве рядового наемника, но вскоре был отмечен начальством и направлен в офицерскую школу Гвело, которую закончил в шестерке лучших выпускников.

Теперь его одолевают сомнения:

— Я приехал сюда, чтобы получить опыт ведения настоящей войны. Оставаясь в Сен-Сире, я бы этого никогда не добился. Я был членом «Нового порядка», и политика родезийского режима мне нравилась. Теперь я потерял веру в этот режим. Не стоит он того, чтобы за него умирали, и больше, пожалуй, не питаю особенной ненависти к «террористам». Между прочим, среди них есть очень хорошие солдаты...

Среди «коллег» журналиста из «Франс-суар» оказался еще один француз — Роже, тридцатипятилетний усатый верзила с серьгой в ухе, знаменитый своими драками в местных кабаках и тем, что знал абсолютно всех окрестных проституток.

Роже провозгласил себя... анархистом!

— Я воюю,— говорил он.— На той или другой стороне — какая разница? Родезийцы сволочи! Если бы коммунисты пригласили меня к себе на службу — чего ради я стал бы отказываться? Лишь бы платили — и все в порядке!

Жадность к деньгам, порой прикрываемая рассуждениями о «ненависти к коммунизму» и о преданности «идеалам свободного мира», а порой и нет, психическая ненормальность и невежество — эти черты свойственны, как правило, большинству наемников.

Робин Мур, писатель и журналист, командированный газетой «Нью-Йорк таймс» в Родезию и быстро нашедший там общий язык с «псами войны» на почве животного антикоммунизма, пытается создать в своих репортажах для американских читателей образцы американцев — этаких «борцов за идеалы западной демократии».

Кого же мы видим среди «героев», обнаруженных Муром в Родезии? Уэйн Уокер, 40 лет, воевал

в Корее, несмотря на свой юный в то время возраст. Ныне он — начальник военной полиции в гогоде Умтали, считает, что Вашингтон «предал» Яна Смита, не оказывая ему прямой военной поддержки. Убеждения — ультрареакционные.

Бывший лейтенант ВВС США Роже Бауэрс и майор Уильямсон. Первому 30 лет, второму за 50. Оба прибыли «спасать Родезию от русских». Уильямсон, бывший вместе с Майком Хором еще в Конго, выучил испанский и русский языки — допрашивать в Родезии пленных... кубинцев и русских! Жалеет, что война в Родезии — «его последняя война»!

Марджери и Джефри Вассерманы, 24 и 27 лет, молодожены, свихнувшиеся на ненависти к марксизму и приехавшие провести в Родезии свой медовый месяц, охотясь на «коммунистов». И он и она стали наемными убийцами у Яна Смита.

В лагерях для переподготовки «рекрутов» наемников обрабатывают так, чтобы выбить из них остатки человеческого, если в ком они еще сохранились.

В ПАТУ («Полицейская часть по борьбе с «терроризмом») инструктор, например, по словам очевидцев, постоянно внушает «курсантам»:

— Вы должны быть одержимы ненавистью! Только тот, кто способен впадать в бешенство, может находиться в наших рядах. Если ты не таков, можешь перейти в другую часть. И не забывайте, что вы — убийцы. Ваша служба заключается только в этом. Вы должны быть убийцами. Чем больше «терров» вы убьете, тем лучше будет для Родезии. Я беспощаден с вами. Мне наплевать, любите вы меня или нет, придет время и вы поймете, почему те, кто служит у нас, гордятся этим!

Наемников учат «выживанию в буше». Они должны есть в сыром виде все, что бегает, прыгает, ползает и покрыто шерстью, перьями или чешуей. Их учат прыгать с парашютом, лазать по скалам, нырять в воду. Их заставляют делать бегом буквально все, стараясь измотать до конца и в кратчайший срок превратить в тупых и послушных животных.

— Первичная подготовка, которую обязаны пройти все,— рассказывает западногерманский наемник,— действует подобно шоку. С человеком здесь обращаются, как с последней скотиной. Инструкторы все время кричат тебе — «Ты, идиот» или нечто подобное.

Инструкторы все время подгоняли нас и повторяли: «Вы должны быть агрессивными!»

Даже позднее, в буше, отношение не изменилось. И там приходилось стоять навытяжку перед начальством...

Я все время мечтал попасть в «Селус скаутс». Там много иностранцев, а служащие в них родезийцы — профессиональные военные. «Скауты» часто по нескольку недель проводят в Мозамбике, зачастую под видом людей ФРЕЛИМО или переодетые в форму родезийских «террористов». Основная задача «Селус скаутс» — разведка.

Этот западногерманский наемник мог бы добавить, что к методам «Селус скаутс» относятся провокации. Они переодевают своих чернокожих коллаборационистов в форму бойцов Зимбабве и забрасывают их в районы, где действуют партизаны. Замаскированные под партизан, эти провокаторы грабят и убивают, жгут дома и насилуют, уничтожают деревни, школы и религиозные миссии, всячески терроризируют население. Цель при этом преследуется двоякая: настроить местных жителей против партизан и дать западной пропаганде «факты» для клеветнической кампании против патриотов.

Наемники же совершают кровавые рейды против лагерей беженцев на территории соседних с Родезией Мозамбика и Замбии, вырезая женщин, стариков и детей и бахвалясь потом уничтожением «баз террористов».

Но не надо думать, что все это им дается безнаказанно. Родезийские власти тщательно скрывают потери, которые несут их армия и наемники. Но время от времени появляются заявления родителей погибших в Родезии английских или американских

наемников. Участились и случаи дезертирства наемников из Родезии в соседние африканские страны.

Патриоты все шире разворачивают наступление, и среди «псов войны» все сильнее уныние.

И все же «псы войны» продолжают прибывать в Родезию, страну, где на 6 миллионов коренных жителей насчитывается 300 тысяч белых колонистов. В их вербовке участвуют и Майк Хор, и Рольф Штайнер. Их готовят в одном из самых больших тренировочных центров в Ленгли, штат Вирджиния, США. Официально центр этот находится в пользовании так называемой «Ветеранс оппортьюнити проджект», но является полной собственностью ЦРУ.

Есть данные, что по меньшей мере десять тысяч американцев готовы завербоваться в наемники. Вербовщики в Англии имеют списки, в которых почти сто тысяч потенциальных «рекрутов».

Все это стоит огромных денег, но деньги текут рекой — фондов империалистические разведки на такое «святое дело» не жалели и не жалеют.

Я ставлю точку в этой книге. А вот точку в истории «псов войны» ставить рано. Поступают сообщения, что они воюют не только в Родезии, они проникают из Заира и ЮАР в Анголу, где совершают массовые убийства, их все больше притягивает Ближний Восток. Они готовятся к операциям в ЮАР и Намибии, где набирает силу национально-освободительное движение.

Словом, последние главы истории наемничества еще не написаны. Их напишут последующие годы...

Вместо послесловия

Я заканчивал работу над книгой, как вдруг... события добавили в ней еще одну главу, героем которой стал тот самый Боб Денар, имя которого читатель уже неоднократно встречал в этом повествовании.

...Это произошло глухой ночью с 12 на 13 мая

1978 года, но подробности случившегося стали известны лишь в начале июня: под покровом густой тропической тьмы на рейд города Морони, столицы Коморских островов, небольшого независимого государства в Индийском океане, вошло неизвестное судно. Все огни на нем были потушены, машина работала на малых оборотах. Лишь только судно бросило якорь, как с его борта были спущены на воду надувные лодки «зодиак», состоящие на вооружении десантных войск НАТО. Вооруженные люди в черных куртках ловко скользнули в лодки, и «зодиаки» понеслись к пляжу Итсандра. Десантниками командовал человек с овчаркой.

На берегу их ждали. Встречавшие хорошо знали местность, и пять десятков десантников проникли в город никем не замеченные. Они сразу же устремились к президентскому дворцу... Грохнули взрывы, затрещали автоматные очереди...

А на другой день в Париже некий «представитель коморцев в изгнании» объявил, что президент островной республики Али Солиах свергнут в результате военного переворота и арестован. Несколько позже было объявлено, что президент убит «при попытке к бегству». Переворот, по предположению этого самого «представителя», был совершен министром внутренних дел Саидом Атоуманом.

Официальный Париж встретил эту новость со сдержанным ликованием. Дело в том, что Коморы в последнее время основательно портили ему настроение. Этот архипелаг у восточноафриканского побережья всегда играл важную роль во французских планах «обороны Индийского океана». На Коморах располагались французские военные базы, как и на Мадагаскаре, где они несколько лет назад были закрыты малагасийским правительством, избравшим путь подлинного неприсоединения и независимого прогрессивного развития.

«Ветер перемен» привел к тому, что Коморы, несмотря на все старания Франции сохранить этот архипелаг в своем владении, в июле 1975 года решительно провозгласили свою независимость. Правда,

остров Майотта, где находятся французские войска (на островах Майотта и Реюньон насчитывается около четырех тысяч французских солдат и офицеров), Франции удалось «удержать». Послушные Парижу марионетки организовали там «референдум» и объявили, что Майотта желает оставаться с Францией навеки. Новое правительство молодой республики, естественно, не признало этого «референдума», проводившегося под надзором французских жандармов.

Отношения между Парижем и Коморами стали совсем натянутыми после того, как в январе 1976 года на островах к власти пришел президент Али Солиах. В октябре 1976 года он провел референдум, в ходе которого большинство граждан молодой республики высказалось за провозглашенную правительством политику социалистической ориентации.

В ответ Франция прекратила экономическую помощь республике, единственным природным богатством которой являются экзотические цветы «иланг-иланг», экстракт которых широко используется знаменитейшими французскими фирмами для производства духов. Затем республику покинули французские специалисты (точно так же действовали бельгийские колонизаторы в Заире в 1960 году!), а специалистов из коморцев колонизаторы преднамеренно не подготовили. Экономический саботаж привел к тому, что в стране стало не хватать продовольствия, жизненно необходимых товаров. Один за другим были организованы три путча — последний в январе 1978 года. Словом, делалось все, чтобы «дестабилизировать» правительство, а потом нанести по нему решительный удар.

И удар был нанесен.

Через две недели после ночного десанта с Коморских островов стали поступать любопытные сообщения о некоем пятидесятилетнем европейце, которого называли «полковником Папой», «полковником Патроном» или «полковником Саидом Мустафой Маджу». Где бы он ни появлялся, всюду с ним была его овчарка. Впрочем, в первые дни после пе-

реворота «полковник» или, как его еще прозвали коморцы, «человек с собакой» старался держаться в тени.

Он носил черную кожаную куртку и черный берет. Было известно, что он играет ведущую роль в сформированном после переворота «военно-политическом комитете» и пользуется при новом режиме исключительным авторитетом. Сам Ахмед Абдалла, бывший профранцузски настроенный глава государства Коморы, вернувшийся «президентом» на острова из Парижа, не мог и шагу ступить без согласия «полковника Маджу», который вместе со своими десантниками начал «реорганизацию» этой островной страны.

Сообщался и словесный портрет «полковника»: острый, пронзительный взгляд в упор, нос с горбинкой, тяжелый подбородок, волочит правую ногу...

Западной буржуазной прессе почему-то понадобилось целых две недели, чтобы опознать «полковника». А когда это все-таки произошло, выяснилось: да ведь это Боб Денар! Один из самых матерых «псов войны», три десятка лет служащий «убийцей по найму» самым разным хозяевам, «Боб-зубодробитель», бывший полицейский из Касабланки, прославившийся своими «подвигами» в Бельгийском Конго, «Биафре», Северном Йемене, Анголе! Это он принимал участие в операции «Кирилис» по возвращению к власти Чомбе и организовывал операцию «Креветка» по свержению правительства Народной Республики Бенин, пытаясь вернуть к власти бывшего президента, французского ставленника Зинсу. Оба этих заговора оказались сорваны, причем второй — благодаря всенародному отпору, который заговорщики встретили в Бенине.

На Коморах же Боб Денар преуспел. Любопытно, что он нанес удар в те самые дни, когда французские и бельгийские парашютисты расправлялись с повстанцами Шабы, когда внимание всего мира было привлечено к империалистической интервенции в Заире. Секретные службы НАТО точно рассчитали время и позаботились, чтобы сведения об очеред-

ной операции Боба Денара как можно дольше не просочились с архипелага.

Мы не знаем пока кодового названия, под которым Боб Денар проводил операцию против законного правительства Коморских островов, вызвавшего недовольство официального Парижа. Но будьте уверены, Боб Денар непременно расскажет об этом сам, ведь это присуще всем наемникам без исключения — бахвальство своими «подвигами». Даже желания рядиться в «скромного героя» в черной куртке хватило ему ненадолго.

Очень скоро он объявил себя главнокомандующим местной армией и полицией и проводил парады, требуя, чтобы его приветствовали как «президента № 1». «Президентом № 2» стал возвращенный им из Парижа Ахмед Абдалла. Абдалла, по утверждению западной прессы, и финансировал наемников Денара вместе с Мохаммедом Ахмедом, могущественным коморским дельцом, который даже заложил для этой цели свои роскошные парижские аппартаменты!

Утвердившись в роли «президента № 1», Боб Денар принял мусульманство, женился на юной жительнице архипелага и принял имя Саид Мустафа Маджу.

«В жизни человека наступает период, когда он должен остепениться и осесть,— философски заявил он одному из западных журналистов, хлынувших для встреч с ним на Коморы.— Здесь хорошее питание и красивые женщины. Чего еще можно желать?»

И все же Боб-«зубодробитель» тоскует по прошлому. С сожалением говорит он журналистам:

«Африканские армии стали гораздо лучше и их не разгромить нескольким белым солдатам. Было время, когда в нас нуждались, но теперь оно проходит. Я думаю, я единственный человек, который мог осуществить операцию, подобную этой».

«Впрочем,— хвастался он журналистам,— с военной точки зрения, операция на Коморах не представляла собой ничего сложного. Хватило бы не-

скольких обрезов, сделанных из охотничьих ружей, чтобы захватить дворец и президента — прямо в постели, тепленьким. (Об операции «Креветка», проводившейся им в Бенине по такому же плану, что и операция на Коморах, он предпочитает не вспоминать!) Главное было преодолеть морское пространство, отделяющее... один маленький европейский порт от порта Морони, обогнуть мыс Доброй Надежды... Но когда у вас полные трюмы, вам нет нужды заходить в порты на пути следования и ставить тем самым операцию под угрозу разоблачения!»

Рассказывая об этом, Боб Денар с таким же успехом мог адресовать журналистов, перед которыми позировал, все к той же книге Ф. Форсита «Псы войны», в которой все это уже было описано.

И если верить Денару, он и его наемники отплыли (как в книге Форсита) из «маленького европейского порта» и много дней были в пути вокруг Африки. Но у одного из журналистов вызвал удивление... цвет лица Денара и его сообщников. За много дней путешествия под палящим солнцем по океану к их лицам почему-то... не пристал загар! Вызвало удивление и то, что многие из наемников (все они объявили, что решили стать «гражданами Комор» и «техническими специалистами») оказались прекрасно знакомы с Морони и его окрестностями, у них даже нашлись друзья-приятели, словно они бывали в коморской столице не один раз!

И тут-то журналисты вспомнили о находящемся неподалеку от Морони острове Майотта и расположенной там французской военно-морской базе: на нее было бы очень удобно скрытно перебросить из Франции специально подготовленных «псов войны» — военным самолетом, в котором загорать пока еще не удавалось никому! С Майотта наемники, как водится обычно при подготовке подобных операций, могли съездить под видом частных лиц или «туристов» на Морони, изучить место предстоящего преступления, завести контакты, установить свя-

зи, завербовать сообщников... А если вспомнить слова одного высокопоставленного французского чиновника, что острова в Индийском океане вокруг Мадагаскара имеют сегодня для Франции исключительно важное значение, что они «французские и никому не будут отданы», то отсутствие загара на лицах парней Боба Денара будет вполне объяснимо.

Конечно же, необходимо напомнить и о том, что французские военные базы в том же районе — на островах Жуан, Нова Европа, Тромлен и Глорьез срочно укрепляются, что вызывает протест общественности Восточной Африки, Мадагаскара, Сейшельских островов, Маврикия, Реюньона.

Печальная судьба Коморских островов — лишь еще одно доказательство обоснованности тревоги народов по поводу усиления империалистического присутствия в Индийском океане. К тому же в списке главарей наемников, много лет служащих своим империалистическим хозяевам, кроме Боба Денара, есть еще и его «дружок» Жак Шрамм, «бешеный» Майк Хор, Мюллер-«Конго», Рольф Штайнер... Да мало ли еще и других «чудовищ», ждущих своего часа, чтобы «остепениться и осесть» там, где «хорошее питание и красивые женщины»!

Правда, Денару так это сделать и не удалось. «Делегация Комор», отправленная им на конференцию глав государств и правительств африканских государств, собравшуюся в Хартуме, была простонапросто вышвырнута за дверь, как «делегация врагов Африки». Коморы оказались в полной политической изоляции: независимая Африка не желала смириться с существованием «республики наемников». Подобный поворот событий не устраивал хозяев «псов войны». И в середине сентября 1978 года Денар и его банда, осыпанные орденами и почестями, торжественно покинули архипелаг, предоставив своим хозяевам действовать на Коморах теперь уже «чистыми руками»...

Однако история наемников на этом едва ли заканчивается. Это «оружие» сохраняется в арсенале империализма, любыми средствами пытающегося подавлять национально-освободительную борьбу народов развивающихся стран, которые сегодня сражаются за подлинное политическое, экономическое и национальное освобождение.

Бейрут — 1978

СОДЕРЖАНИЕ

3 Смерть по контракту
7 Кто заказывает музыку
16 Скандал за скандалом
19 «Синие гуси» трубят сбор
27 «С разрешения начальства...»
31 Если правительство не устраивает...
42 Герои — антигерои
50 Авантюра генерала ди Спинолы
60 Операция «Креветка»
70 Трагедия Заира
85 Последняя ставка?
92 И снова «чудовища»
100 Вместо послесловия

Евгений Анатольевич Коршунов

«ПСЫ ВОЙНЫ»... КОМУ ОНИ СЛУЖАТ?

Редактор Ф. Л. Цыпкина
Художник И. И. Смирнов
Художественный редактор В. П. Бухарев
Технический редактор В. А. Преображенская
Корректор Л. В. Дорофеева

ИБ № 1686
Кодированный оригинал-макет издания подготовлен на электронном печатно-кодирующем и корректирующем устройстве «Север». Сдано в наб. 07.06.79. Подп. в печать 10.08.79. Формат 84×100/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура журнальная рубленая. Печать высокая. Усл.-п. л. 5,46. Уч.-изд. л. 4,97. Тираж 50.000 экз. Заказ 314. Цена 20 к. Изд. инд. ХД-283.

Издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге и пожелания присылать по адресу:
Москва, проезд Сапунова, 13/15, издательство «Советская Россия»

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

ГОТОВИТСЯ К ВЫПУСКУ КНИГА

Игнатьев О. К. **Одна Бибиси сказала...**

Предлагаемая читателю книга включает международные фельетоны публициста Олега Игнатьева. Разоблачение антисоветчиков, клеветников, диктаторов и их поспешников, противников разрядки международной напряженности — вот круг их тем.

Альянс пиночетовской хунты с маоистами и бредовые высказывания одного из натовских заправил Иозефа Лунса, маневры дезинформационных служб империалистических государств и действия расистов из ЮАР — об этом рассказывает О. Игнатьев в своих фельетонах «Коза, Лунс и разрядка», «Красное солнышко и черное пятнышко», «Ку-ку, мистер Рейнхардт», «Посадите его в зону отдыха» и др.

20 коп.

ПО ТУ СТОРОНУ ПО ТУ СТОРОНУ ПО ТУ СТОРОН

Писатель Евгений Коршунов родился в 1934 году. Окончив в 1957 году МГУ, работает в центральных газетах и журналах.

Свою писáтельскую биографию начинал публикацией стихов и поэм в молодежных изданиях. По его пьесам Центральное телевидение поставило спектакли «У нас в общежитии свадьба» и «Домашнее сочинение». Евгений Коршунов — автор повестей «Операция «Хамелеон», «И придет большой дождь», романов «Гроза над лагуной» и «Крестоносцы». Эти произведения посвящены народам Африки, ведущим борьбу за национальное освобождение и подлинную политическую и экономическую независимость. Материалы для своих произведений Евгений Коршунов получил, работая около четырех лет в Нигерии в качестве заведующего бюро агентства печати «Новости», а затем в качестве сотрудника еженедельника «За рубежом», освещая события в Анголе, Эфиопии и других африканских странах.

В настоящее время — собственный корреспондент газеты «Известия» по Ближнему Востоку.